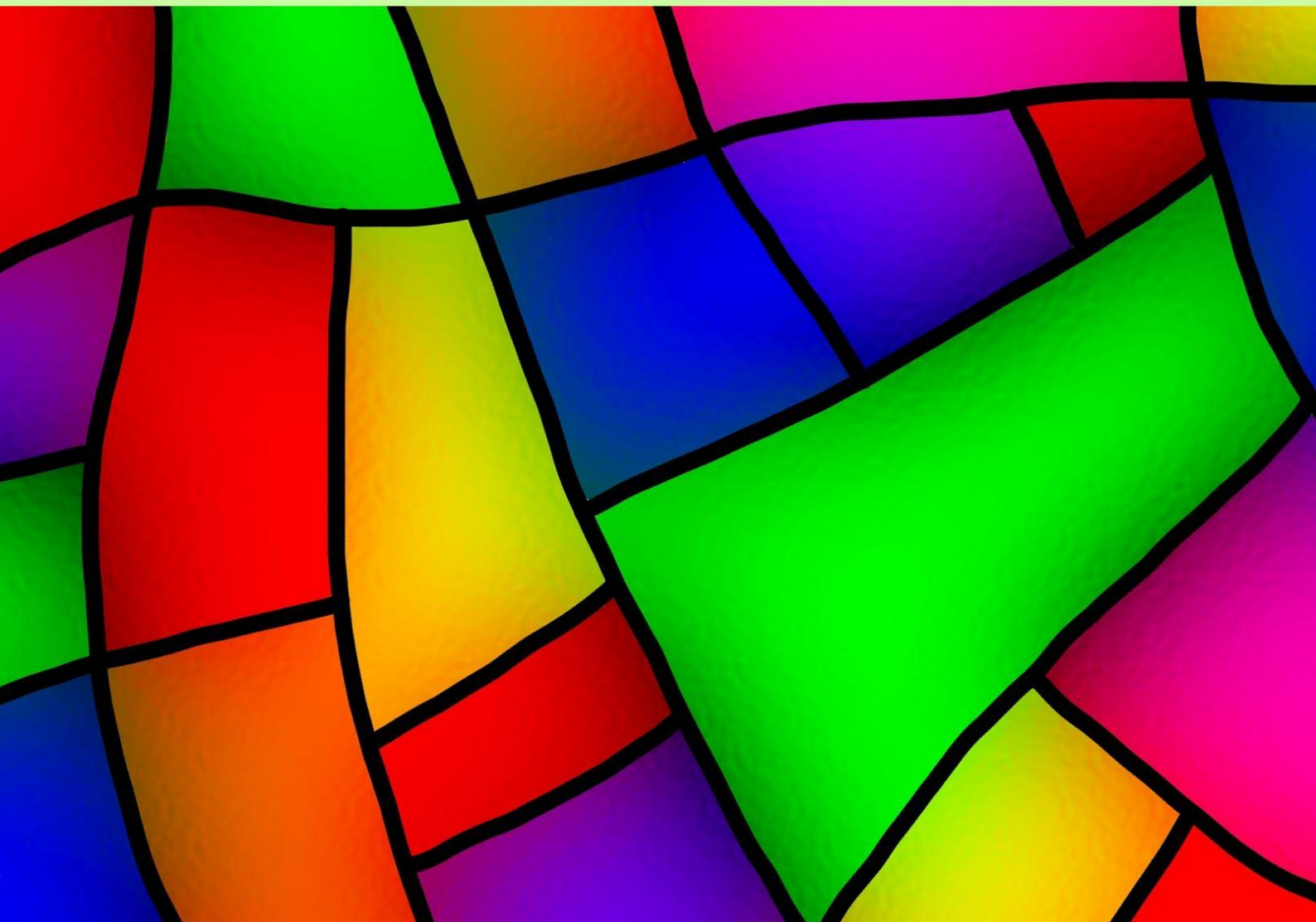

Россия и Азия

№ 4 (9), 2019

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 4 (9), 2019 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-74920 (СМИ — «сетевое издание»).

Журнал включен в крупнейшие международные базы данных, системы цитирования и библиографические системы, охватывающие мировой поток продолжающихся и периодических научных изданий: РИНЦ, GoogleScholar.

Периодичность: 4 раза в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>
E-mail редакции: red@russia-asia.org

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Центра Азиатских исследований РУДН, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Андреева Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Русакович Василий Игоревич — кандидат экономических наук, генеральный директор ООО Тейда Транс», г. Москва, Россия.

Сабон Виктория Лелу — PhD (экономика), заведующая кафедрой зеленой экономики, директор Центра глобальных бизнес-стратегий, Университет Сурайя, Научный бизнес парк, Индонезия.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель Китайского университета уголовной полиции, г. Шэньян, провинция Ляонин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий.

Содержание**ГОСТЬ РЕДАКЦИИ**

- Глава миссии Лиги арабских государств в Москве (посол ЛАГ), его превосходительство господин Джабер Хабиб Джабер: интервью журналу «Россия и Азия»** 5

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

- Абдуллаев Д. А.**
Российско-китайские отношения и роль нефтегазового сегмента 12
- Чиниев Д. Б.**
Цифровое государство в Таджикистане: основные этапы формирования, проблемы и возможности 25

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ

- Шкваря Л. В., Соловьёва Ю. В.**
Страны ССАГПЗ: инновационная составляющая экономики 32
- Чернобровкина Н. И.**
Новые формы организации и практики управления университетами в России: поиск оптимальных методологических оснований 43

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Родионова И. А.**
О необходимости развития рыбного хозяйства (рыболовства и аквакультуры) в целях обеспечения продовольственной безопасности в Азии 50
- Молочкова М. Ф.**
Возможности интернационализации малого и среднего бизнеса России в условиях санкционных ограничений 63

ЭКОНОМИКА: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

- Стрыгин А. В.**
Генезис геополитического осмысления процессов социально-политического и социально-экономического развития современного мира 70

Content**OUR GUEST**

- Interview with the Ambassador of the Arab League to Russia, representative of the League of Arab States to Russia, His Excellency Jaber Habib Jaber **5**

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

- Abdullaev D.**
Russian-chinese relations and the role of the oil and gas segment **12**
- Chiniev J.B.**
Digital state in Tajikistan: main stages of formation, problems and opportunities **25**

INNOVATION AND TECHNOLOGY

- Shkvarya L.V., Solovieva Y.V.**
The GCC countries: an innovative component of the economy **32**
- Chernobrovkina N.I.**
New forms of organization and management practices universities in Russia: the search for optimal methodological foundations **43**

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Rodionova I.A.**
The need to develop fisheries and aquaculture for food security in Asia **50**
- Molochkova M.F.**
Opportunities for the internationalization of small and medium-sized businesses in Russia in the context of sanctions restrictions **63**

ECONOMICS: THEORY AND HISTORY

- Strygin A.V.**
Genesis of geopolitical awareness of the socio-political and socio-economic development of the modern world **70**

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ / OUR GUEST

ГЛАВА МИССИИ ЛИГИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ В МОСКВЕ
(ПОСОЛ ЛАГ), ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО
ГОСПОДИН ДЖАБЕР ХАБИБ ДЖАБЕР:
ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «РОССИЯ И АЗИЯ»

Ваше превосходительство, уважаемый господин Джабер Хабиб Джабер!

Вы — глава миссии Лиги арабских государств в Москве, фактически, Посол Лиги в нашей стране, что говорит о важности двустороннего сотрудничества. Мы хотели бы предоставить читателям журнала «Россия и Азия» больше информации о Лиге, о ее деятельности и структуре, об особенностях ее сотрудничества с Российской Федерацией, особенно в условиях экономических санкций.

В этой связи просим Вас ответить на несколько вопросов.

Что представляет собой Лига арабских государств (страны-участницы, история создания, цели, достижения: краткая характеристика)? В чем ее особенности?

ما هي جامعة الدول العربية (الدول المشاركة ،
تاريخ الخلق ، الأهداف ، الإنجازات: وصف
موجز)؟ ما هي معالمه؟

В этом, 2020 году, Лига арабских государств отмечает 75-ю годовщину своего создания, восходящую к началу арабской региональной интеграции. Ее состав расширился с 7 арабских стран, которые в середине 1940-х годов получили независимость, до 22, которые и формируют арабскую систему региональной интеграции. Процесс развития региональной интеграции прошел несколько этапов и претерпел различные попытки модернизации и реструктуризации арабской региональной системы.

На протяжении всей своей истории Лига арабских государств выполняла четыре основные задачи, которые можно кратко отразить следующим образом:

А — Содействие независимости арабских стран, поскольку роль Лиги проявилась, например, в поддержке усилий по освобождению в таких странах как Алжир, Султанат Оман, Йемен и Судан. Подобная роль напрямую вела к расширению состава организации.

В — Участие в урегулировании некоторых межарабских споров. Стоит отметить, что успешность Лиги в этой области была связана с признанием конфликтующими сторонами ее роли. Причем авторитетность и полномочия ЛАГ не превосходят полномочия его членов.

С — Поощрение межарабского сотрудничества посредством ряда специализированных организаций, сформированных на различных уровнях внутри и за пределами Лиги арабских государств. В рамках ЛАГ были созданы организации, деятельность которых расширилась и охватывает экономическое и социальное развитие, развитие кадров, научные и культурные вопросы, а также средства связи и информации. Появились такие как Арабская организация труда, Арабский фонд экономического и социального развития, Арабская организация по образованию, культуре и науке, Радиовещательный союз арабских государств и Арабский союз электросвязи. Вне рамок ЛАГ но при ее координационных усилиях осуществляется деятельность арабских профсоюзов и были созданы ассоциации адвокатов, врачей, журналистов, юристов,

تحتفل الجامعة العربية هذا العام 2020 بالعيد الماسي الـ 75 لنشأتها التي تؤرخ لنشأة النظام الإقليمي العربي، واتسعت عضويتها من سبع دول عربية هي جملة الدول العربية المستقلة في أوساط الأربعينيات لتشمل اثنتين وعشرين دولة عربية هي مجموع الدول الأعضاء في النظام الإقليمي العربي. واجتازت عدة مراحل تطور وعاصرت محاولات مختلفة لإعادة الهيكلة هي مراحل ومحاولات عاكسة لجهود تحديث النظام الإقليمي العربي نفسه.

تحتفل الجامعة العربية هذا العام 2020 بالعيد الماسي الـ 75 لنشأتها التي تؤرخ لنشأة النظام الإقليمي العربي، واتسعت عضويتها من سبع دول عربية هي جملة الدول العربية المستقلة في أوساط الأربعينيات لتشمل اثنتين وعشرين دولة عربية هي مجموع الدول الأعضاء في النظام الإقليمي العربي. واجتازت عدة مراحل تطور وعاصرت محاولات مختلفة لإعادة الهيكلة هي مراحل ومحاولات عاكسة لجهود تحديث النظام الإقليمي العربي نفسه.

تمكنت جامعة الدول العربية على امتداد تاريخها من القيام بأدوار أربعة رئيسية يمكن الإشارة إليها بإيجاز على النحو التالي :

أ - الإسهام في حصول الدول العربية على استقلالها، حيث برز دور الجامعة على سبيل المثال في مجال دعم جهود التحرر في دول مثل الجزائر، وسلطنة عمان ، واليمن، والسودان. ومثل هذا الدور كان هو السبب المباشر في اتساع حجم عضوية الجامعة على ما تقدم، لتشمل اثنتين وعشرين دولة عربية على حين لم يتعد عدد الدول الموقعة على الميثاق التأسيسي سبع دول.

ب - المشاركة في تسوية بعض المنازعات العربية - العربية، ويلاحظ أن قدرة الجامعة في هذا المجال قد ارتبطت بدرجة قبول الأطراف المتنازعة لدوره ، وهي نقطة تبدو أهميتها على ضوء ما هو معروف من كون سلطة الجامعة لا تعلو فوق سلطات الأعضاء.

ج - تشجيع التعاون العربي - العربي عبر مجموعة المنظمات المتخصصة التي تشكلت على مختلف المستويات داخل إطار الجامعة وخارجه . ففي إطار الجامعة، تم إنشاء منظمات اتسع نشاطها ليشمل مسائل العمالة، والتنمية الاقتصادية والاجتماعية، والشئون العلمية والثقافية ، ووسائل الاتصال والاعلام ، ولقد نهضت بعض المنظمات مثل منظمة العمل العربية، والصندوق العربي للإنماء الاقتصادي والاجتماعي. والمنظمة العربية للتربية والثقافة والعلوم ، واتحاد إذاعات الدول العربية ، والاتحاد

арабских рабочих и т. д.

D — Представление арабских стран в различных международных форумах и организациях, таких как Организация Объединенных Наций и ее специализированных организациях; Организация африканского единства, а также сотрудничество с последними в целях создания ряда совместных организаций, таких как Арабский банк развития Африки, Арабский валютный фонд. Лига арабских государств была одной из сторон переговоров также и в диалоге с Европой в 1970-х годах.

Структура.

Лига арабских государств состоит из трех основных структур, созданных в соответствии с положениями Устава, а именно, Совета Лиги; постоянных комитетов и Генерального секретариата. Также существуют органы, созданные в рамках Договора об объединенной обороне арабских государств, заключенному в 1950 году, и учреждения, созданные в соответствии с решениями Совета Лиги арабских государств. ЛАГ также содействовал созданию специализированных организаций с целью экономической интеграции, социальному и техническому сотрудничеству, минимизации политических противоречий. Список структур дополняется советам министров по вопросам здравоохранения, туризма, безопасности (внутренних дел), спорта, транспорта, окружающей среды, водных ресурсов и т. д.

Как развиваются экономические отношения между ЛАГ и Россией сегодня?

Конечно, колебания цен на нефть влияют на деятельность арабских стран, тем более, многие арабские страны сильно зависят от поступления доходов от энергетических ресурсов в бюджетов, поэтому арабские страны через ОПЕК стремятся контролировать цены с помощью пакета мер, а также путем координации с Россией в рамках ОПЕК+.

Происходят ли какие-то изменения в деятельности ЛАГ? Влияет ли на этот процесс ситуация на мировом рынке углеводородов или на других глобальных рынках или сферах (например, НТП) и

العربي للمواصلات السلوية واللاسلكية ، بالتعبير عن تلك الاهتمامات والنشاطات كافة. وخارج إطار الجامعة نشط العمل النقابي العربي بجهد لا يغفل من الجامعة وبتنسيق مستمر بين أجهزتها؛ ومن هنا جاء قيام اتحادات المحامين والأطباء والصحفيين والحقوقيين والعمال العرب... الخ.

د- تمثيل الدول العربية في مختلف المحافل والمنظمات الدولية مثل الأمم المتحدة ومنظماتها المتخصصة ومنظمة الوحدة الأفريقية، والتعاون مع هذه الأخيرة على تكوين طائفة من المؤسسات المشتركة مثل المصرف العربي للتنمية في أفريقيا، والصندوق العربي للقروض، هذا إلى جانب دور الجامعة العربية كطرف في الحوار مع أوروبا في حقبة السبعينيات

الهيكل

تتكون جامعة الدول العربية من ثلاثة فروع رئيسية أنشئت بمقتضى نصوص الميثاق، وتلك هي مجلس الجامعة واللجان الدائمة، والامانة العامة. هذا بخلاف الاجهزة التي أنشأتها معاهدة الدفاع العربي المشترك التي أبرمت في عام 1950، والاجهزة التي تم إنشاؤها بمقتضى قرارات صادرة عن مجلس جامعة الدول العربية. كما أنشأت الجامعة أو شجعت على إنشاء منظمات متخصصة بهدف تجميع الأنشطة الاقتصادية والاجتماعية على أسس فنية وتخليصها، بدرجة أو بأخرى، من التعقيدات السياسية. هذا بخلاف المجالس الوزارية المعنية بشئون الصحة والسياحة والأمن (الداخلية) والرياضة والنقل والبنية والمياه الخ.

السؤال الثالث : كيف تتطور العلاقات الاقتصادية بين الجامعة العربية وروسيا الاتحادية ؟

من المؤكد ان تقلبات الاسعار في البترول تؤثر على أنشطة الدول العربية، خصوصا وكما تعلمون ان الكثير من البلدان العربية تعتمد بشكل كبير في ميزانياتها على الطاقة، لذا تسعى الدول العربية من خلال منظمة اوبك الى ضبط الاسعار من خلال حزمة من الاجراءات وكذلك عبر التنسيق مع روسيا في اطار اوبك +

السؤال الثاني هل هناك تغير في أنشطة جامعة الدول العربية ؟ هل تتاثر الجامعة العربية بتقلبات اسعار الطاقة والاسواق العالمية ؟

каким образом?

В контексте укрепления экономических отношений между арабскими и другими странами и экономическими объединениями Лига арабских государств подписала ряд меморандумов о взаимопонимании с этими странами, включая Российскую Федерацию, по проведению форумов в различных областях сотрудничества, включая экономическую сферу.

Сотрудничество с Российской Федерацией направлено на укрепление основ коллективного диалога и сотрудничества на основе равенства и взаимной выгоды.

21 декабря 2009 г. в Каире в штаб-квартире Генерального секретариата между Лигой арабских государств и Российской Федерацией был подписан Меморандум о сотрудничестве в целях создания Форума арабо-российского сотрудничества, который охватывает сферы политического, торгово-экономического, инвестиционного сотрудничества и научно-культурного сотрудничества.

После запуска форума российская сторона предложила расширить механизм форума, и включить в него всех министров иностранных дел арабских стран, что было согласовано арабскими странами.

С 2009 г. было проведено пять сессий, последняя из которых была в Москве в апреле 2019 года, 6-я сессия пройдет в Королевстве Марокко в 2020 г. Само собой разумеется, что эти форумы не заменяют двустороннее сотрудничество между арабскими странами и Россией.

Механизм сотрудничества в экономической сфере в рамках форума:

1. Обсуждение возможностей проведения конференций по вопросам сотрудничества в областях экономики, торговли, инвестиций, развития энергетики, использования ядерной энергии в мирных целях, нефтегазовой промышленности, вопросов окружающей среды и изменения климата.

2. Поощрение обеих сторон к участию своих представителей в международных экономических мероприятиях, проводимых в Российской Федерации и в государствах-членах Лиги арабских государств.

3. Российско-арабский деловой совет проводит заседания с периодичностью один

في اطار تعزيز العلاقات الاقتصادية بين الدول العربية ومختلف الدول والتجمعات الاقتصادية، وقعت الجامعة العربية عددا من مذكرات التفاهم لانشاء منتديات مع تلك الدول بما فيها روسيا الاتحادية، تضمنت مختلف مجالات التعاون ومن بينها المجال الاقتصادي .

يهدف التعاون مع روسيا الاتحادية الى تعزيز اطار الحوار والتعاون الجماعي على اساس المساواة والمنفعة المتبادلة.

تم توقيع مذكرة تعاون بين الجامعة العربية وروسيا الاتحادية لإقامة منتدى التعاون العربي الروسي في القاهرة بتاريخ 21 ديسمبر 2009 بمقر الأمانة العامة، تتضمنت مجالات وأشكال التعاون السياسي والاقتصادي والتجاري والاستثمار فضلاً عن التعاون العلمي والثقافي.

تنص مذكرة التعاون الموقعة على أن تكون آلية المنتدى (ترويكا مجلس الجامعة + رئاسة القمة العربية + أمين العام الجامعة + وزير خارجية روسيا). ولكن اقترح الجانب الروسي بعد إطلاق المنتدى توسيع آلية المنتدى لتضم كافة وزراء خارجية الدول العربية، وهو ما وافقت عليه الدول العربية.

تم عقد خمس دورات منذ عام 2009، كان اخرها في موسكو بتاريخ ابريل 2019، وجاري التحضير لعقد الدورة السادسة في المملكة المغربية هذا العام 2020. غني عن الذكر ان تلك المنتديات لا تعد بديلاً عن التعاون الثنائي بين الدول العربية وروسيا.

آلية التعاون في المجال الاقتصادي في إطار المنتدى :

بحث إمكانية عقد مؤتمرات حول قضايا التعاون في مجال الاقتصاد والتجارة والاستثمارات وتطوير الطاقة والاستخدامات السلمية للطاقة النووية وصناعة النفط والغاز وقضايا البيئة وتغيير المناخ.

تشجيع الطرفين على مشاركة ممثليهما في التظاهرات الاقتصادية الدولية التي تعقد في روسيا الاتحادية وفي الدول الأعضاء في جامعة الدول العربية.

يعقد بصفة دورية مجلس الأعمال العربي الروسي كل عامين بالتناوب بين أحد الدول العربية وروسيا وذلك بالتنسيق بين مجلس الأعمال الروسي و الاتحاد العام لغرف التجارة والصناعة والزراعة للبلاد العربية، ومزمع عقد الدورة (13) للمجلس خلال الفترة 2015/10/7-6 في بيروت / لبنان.

يعمل الطرفان على عقد منتديات للأعمال سنوياً في إطار مجلس الأعمال العربي الروسي.

دعم الطرفين للتعاون بين غرفة التجارة والصناعة الروسية واتحاد غرف التجارة والصناعة والزراعة للبلدان

раз в два года поочередно на площадках в одной из арабских стран и России по согласованию с Российско-арабским деловым советом и Федерацией торгово-промышленных и сельскохозяйственных палат арабских стран.

4. Обе стороны работают над тем, чтобы ежегодно проводить деловые форумы в рамках Российско-арабского делового совета.

5. Поддержка двух сторон в сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой России и Федерацией арабских торгово-промышленных и сельскохозяйственных палат.

Какие сферы затрагивают эти отношения?

Конечно, все международные и региональные события обычно бросают тень на политическую и экономическую деятельность. На отношения между Россией и Лигой арабских государств влияют происходящие в мире перемены, но важно, что обе стороны стремятся сохранить положительный эффект и использовать все возможности для

укрепления двусторонних отношений и сотрудничества в различных областях.

В качестве примера можно привести ситуацию вокруг вспышки эпидемии коронавируса. Резко снизилась активность международного и регионального уровня: у нас был намечен ряд важных мероприятий в России, и нам пришлось сократить большую их часть.

Проведение Арабо-российского министерского форума также было отложено. Это фактические события, которые происходят, но они, безусловно, не влияя негативно, замедляют темп взаимодействия.

Какие направления двустороннего сотрудничества Вы считаете наиболее перспективными и эффективными?

Существует очень много областей, представляющих взаимный интерес, и Россия обладает большими возможностями, в которых нуждается арабский мир. Это и передовые технологии, машиностроение, космическая промышленность и т. д. Я могу выделить здесь пять основных областей, в которых обе стороны могут тесно сотрудничать:

المجالات التي تؤثر في العلاقة:

من الطبيعي ان كل التطورات الدولية والاقليمية ترمي بظلالها عادة على النشاط السياسي والاقتصادي. والعلاقة بين روسيا وجامعة الدول العربية تتأثر بمتغيرات الامور في العالم، لكن المهم ان الطرفين لديهما حرص متبادل على ان تبقى التأثيرات ايجابية، وان يتم استخدام كل تطور من اجل دعم تعزيز العلاقات الثنائية والتعاون في المجالات المختلفة.

لنقل مثلا ان الوضع حول تفشي وباء كورونا لعب دورا مهما في تقليص النشاط على الصعيد الدولي والاقليمي لقد كانت لدينا عدد من الفعاليات المهمة في روسيا واضطررنا لتقليص الجزء الاعظم منها كما تم ارجاء عقد المنتدى الوزاري العربي الروسي. هذه امور عملية تحدث ولكنها بالتأكيد لا تؤثر سلبا هي فقط يمكن ان تبطى من وتيرة العمل المشترك.

المجالات الاقتصادية ذات الأولوية للتعاون مع

روسيا:

هناك مجالات كثيرة جدا تهتم الطرفين ولدى روسيا قدرات كبيرة فيها يحتاجها العالم العربي، مثل التقنيات المتطورة والاليات وصناعات الفضاء وغيرها ويمكنني ان اضع هنا خمس مجالات رئيسية يمكن للطرفين تعزيز التعاون فيها بشكل وثيق:

1. الطاقة النووية، الطاقة المتجددة، البترول والغاز
2. الزراعة والأمن الغذائي.
3. النقل والاتصالات والسياحة.

1. Ядерная энергия, возобновляемые источники энергии, нефть и газ.
2. Сельское хозяйство и продовольственная безопасность.
3. Транспорт, связь и туризм.
4. Наука и передача технологий.
5. Аэрокосмическая отрасль.

4. العلوم ونقل التكنولوجيا.

5. صناعات الفضاء.

Как Вы считаете, санкции ЕС и США против России могут как-то (как?) воздействовать на развитие экономических отношений между Россией и ЛАГ?

العقوبات:

Лига арабских государств разделяет мнение российских партнеров о том, что политика санкций в целом вредна и не может достичь ощутимых политических результатов, особенно когда эти санкции используются для закрепления новой реальности или для достижения целей, которые служат геополитическим интересам такой стороны, как, например, Соединенные Штаты Америки. Мы видели, как Вашингтон решал палестинскую проблему, навязывая ряд карательных решений, которые лишили палестинцев значительной части получаемой поддержки, включая помощь, направленную на укрепление жизненно важных секторов, таких как сектор образования или здравоохранения. Цель состояла в том, чтобы заставить палестинцев принять невыгодные условия для несправедливого урегулирования на Ближнем Востоке. Это один из инструментов давления, который мы отвергаем, также как и Россия, и наши позиции здесь одинаковы.

Естественно, что давление, оказываемое на Россию в плане введения санкций против ее компаний или бизнесменов, затрагивает некоторые двусторонние отношения между Россией и арабским миром, но мы убеждены, что эти меры не смогут нанести ущерб основному направлению, согласованному арабскими странами и представленному Лигой арабских государств, а именно развитие отношений с Россией по всем направлениям.

Что мешает (затрудняет) развитию отношений между Россией и ЛАГ и какие шаги, на Ваш взгляд, следует предпринять для их улучшения?

Мы должны признать, что уровень экономического и торгового сотрудничества

تشاطر جامعة الدول العربية الاصدقاء الروس في رأيهم بان سياسة العقوبات ضارة عموما، ولا يمكن ان تحقق نتائج سياسية ملموسة، خصوصا عندما يتم استخدام هذه العقوبات لتكريس واقع جديد او لتحقيق اهداف تخدم المصالح الجيوسياسية لطرف ما مثل الولايات المتحدة الاميركية مثلا. لقد شهدنا كيف تعاملت واشنطن مع الملف الفلسطيني عبر فرض سلسلة قرارات عقابية حرمت الفلسطينيين من جزء كبير من الدعم الذي كانوا يحصلون عليه بما في ذلك الدعم الموجه لتعزيز قطاعات حيوية مثل قطاع التعليم او الصحة، الهدف كان اجبار الفلسطينيين على القبول بشروط مجحفة لتسوية غير عادلة في الشرق الاوسط. هذه واحدة من ادوات الضغط التي نرفضها وترفضها روسيا ايضا وموافقنا متطابقة هنا.

ومن الطبيعي ان الضغوط التي تمارس على روسيا لجهة فرض عقوبات على شركاتها او على رجال الاعمال تؤثر في بعض التعاملات الثنائية بين روسيا والعالم العربي، لكن لدينا قناعة بان هذه التدابير لن تكون قادرة على الاضرار بالتوجه الرئيسي الذي تتفق عليه البلدان العربية وتمثله جامعة الدول العربية وهو تطوير العلاقات مع روسيا في كل المجالات.

بال معيقات

علينا ان نعترف بان مستوى التعاون الاقتصادي التجاري بين روسيا والبلدان العربية لا يصل الى نفس

между Россией и арабскими странами соответствует уровню политических отношений, и в настоящее время отражает пожелания обеих сторон. Россия и арабские страны имеют большой потенциал для развития этого сотрудничества, которое в настоящее время используется в необходимом объеме. Мы видим, что значительная часть этих усилий должна ложиться на плечи торгово-промышленных палат и бизнесменов с обеих сторон, и действия которых получают значимую политическую поддержку. Кроме того, мы должны признать, что наблюдается серьезный пробел в информации есть. У крупных арабских инвесторов есть инвестировать на российском рынке, но им не хватает адекватной информации о перспективных проектах и гарантиях, правовой базе для инвестиционной деятельности, стимулах и многих других вопросах.

مستوى العلاقات السياسية ولا يعكس في وضعه الراهن رغبات الطرفين. لدى روسيا والبلدان العربية امكانيات هائلة لتطویر هذا التعاون، لا يتم استخدامها حاليا بالحجم المطلوب. نرى ان جزءا كبيرا من هذا الجهد يجب ان يقع على كاهل الغرف التجارية ورجال الاعمال من الطرفين، وهناك دعم من المستوى السياسي بشكل كبير لهذا التوجه. ايضا، يجب ان نقر بوجود فجوة في المعلومات، وهناك رغبة لدى اوساط كبيرة من المستثمرين العرب للاقبال على السوق الروسية والاستثمار هنا، لكن تنقصهم المعلومات الوافية حول المشروعات الواعدة والضمانات والقاعدة القانونية للنشاط الاستثماري والحوافز ومسائل كثيرة اخرى.

Большое спасибо, господин Посол, за Ваше интервью, мы уверены, что эта интересная беседа даст новую информацию к размышлению для ученых и практиков, а также политиков, и их интерес к Лиге Арабских Государств будет расти.

Интервьюер — Раед Джабер, арабский журналист.

Перевод с арабского языка — к.э.н., доц. Айдрус И. А. З.

**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ /
DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES**

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РОЛЬ НЕФТЕГАЗОВОГО
СЕКТОРА**

Абдуллаев Дамир Абдуллаевич¹

В статье рассматриваются вопросы, связанные с углублением и развитием российско-китайского торгово-экономического сотрудничества в сфере энергетики. Статья разделена на две части. В первой рассматриваются тенденции российско-китайской торговли и делается вывод о ее динамичном развитии и о том, что основными позициями российского экспорта в Китай остаются сырьевые товары, прежде всего энергетические. Во второй части показано, что китайские инвестиции в Россию осуществляются точно, главным образом в стратегические отрасли, важнейшим из которых является углеводородный. Основной авторский вывод — КНР более активно, последовательно и грамотно реализует свои экономические интересы в двусторонних экономических отношениях, что может служить примером для РФ.

Ключевые слова: Россия, Китай, нефтегазовый сектор, товарооборот, экспорт, импорт, инвестиции, совместные проекты.

JEL коды: F12, F14.

Введение

Китайско-российские торгово-экономические отношения продолжают углубляться и расширяться, особенно в течение последнего десятилетия. К концу 1-го десятилетия XXI в., когда энергетические потребности Китая стали увеличиваться, две страны стали наращивать энергетическое взаимодействие, и после 2006 г. президенты Си Цзиньпин и В. В. Путин встречались по меньшей мере 20 раз в период с 2012 по 2017 гг. Эти личные встречи включали 6 визитов Си Цзиньпина в Россию и 8 визитов В. В. Путина в Китай, причем энергетическое взаимодействие обсуждалось постоянно (China, Russia, 2017). Кульминацией этого взаимодействия стало подписание в июле 2017 г. совместного заявления о дальнейшем углублении всестороннего партнерства двух стран — на фоне антироссийских экономических санкций западных стран.

Из данных табл. 1 можно отчетливо наблюдать усиление экспансии азиатских транснациональных компаний на российском рынке в санкционный период, в то время как европейские игроки вынуждены приостанавливать реализацию совместных проектов на

¹ *Абдуллаев Дамир Абдуллаевич* — соискатель кафедры глобальной энергетической политики и энергетической безопасности МГИМО (У) МИД России, 119454, РФ, Москва, проспект Вернадского, 76.

неопределенные сроки, либо выводить активы с российского рынка, как в случае с Exxon Mobil, по требованию собственных властей.

Таблица 1.

Топ-10 стран по осуществленным капиталовложениям в отечественные проекты в 2010–2017 гг. (в шт.)

Страны	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Китай	3	3	0	4	7	12	9	32
Германия	26	13	28	12	11	36	43	28
США	24	24	29	24	14	29	38	19
Италия	6	6	5	2	4	12	7	17
Япония	11	6	9	14	8	10	12	17
Южная Корея	4	0	1	1	3	3	2	12
Франция	10	9	14	7	14	20	20	11
Швейцария	11	4	3	4	8	8	7	11
Великобритания	14	4	2	3	6	5	2	8
Финляндия	8	6	5	5	6	9	7	7

Источник: Ernst & Young, 2018.

Действительно, Россия усиливает свои экономические, в том числе торговые, связи с Китаем на фоне ухудшения отношений со странами Европейского Союза. С 2002 г. доля Европейского Союза в российском импорте сократилась с 53% до примерно 40%, в то время как доля Китая возросла с менее чем 3% до 21%. И хотя ЕС по-прежнему доминирует на российском рынке, Китай наращивает свой экспорт в Российскую Федерацию и все больше замещает экспорт Европейского Союза на российском рынке, особенно в капиталоемких секторах. Заметное превышение китайского экспорта над европейским на отечественном рынке имеет место по таким позициям, как транспортные средства, промышленное оборудование, электроника и металлические компоненты. Отмечается и рост китайских инвестиций в ряд крупных проектов в России, включая проект сжиженного природного газа «Ямал» и проект газопровода «Сила Сибири» (Perlez, 2014).

В 2016 г. Россия заняла 1-е место по объему поставок сырой нефти в Китай, обеспечив почти 14% китайского импорта (Российско-китайское сотрудничество, 2016).

Переориентация экономического вектора развития по направлению к Азиатско-Тихоокеанскому сотрудничеству, безусловно, может рассматриваться в качестве нового этапа внешнеэкономической политики Российской Федерации, в основе которой лежит задача по укреплению производственно-экспортного потенциала и преодолению рецессионных процессов в национальной экономике.

В данной статье автор стремится исследовать состояние, проблемы и перспективы российско-китайского сотрудничества в нефтегазовой сфере в аспекте равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия России и Китая в нефтегазовой сфере.

Обзор литературы и методология

Как показывают авторские исследования, в научном сообществе как России и Китая, так и третьих стран (прежде всего западных), сохраняется значительный интерес к сотрудничеству Российской Федерации и КНР в нефтегазовой сфере (он сохраняется также

у практиков и политиков). Причем интерес этот существенно актуализировался в последние 5 лет. Так, Д. Н. Щербаков (2015), О. А. Тимофеев (2014) и др. предлагают варианты периодизации сотрудничества в нефтегазовой сфере Российской Федерации и Китайской Народной Республики, хотя до настоящего времени единства во взглядах ученых в этом вопросе так и не сформировалось.

За это время сформировалась договорно-правовая база сотрудничества (Митина, Ду, 2019), оно диверсифицировалось (началось с торговли нефтью и нефтяным инженерно-техническим обслуживанием, а также с разведки и разработки нефтяных месторождений и др., и развивалось вплоть до строительства нефтеперерабатывающих мощностей и реализации продуктов нефтепереработки на новых рынках) (Петрунина, 2012). Также отмечается, что заключенный в 2014 г. контракт на поставки газа открывает новые возможности по сотрудничеству в таких областях, как нефтехимия и газопереработка (Щербаков 2015).

Что касается современного этапа российско-китайских отношений в нефтегазовой сфере, то их, по мнению некоторых авторов, можно рассматривать в качестве ключевого детерминанта мировой геополитической системы и важного фактора обеспечения геополитической стабильности масштабного региона Северо-Восточной Азии (Ян, 2017), в то же время «это всего лишь часть двустороннего экономического сотрудничества» (Ма, 2016).

Однако американские ученые утверждают, что растущие энергетические отношения Китая с Россией лучше всего понимать как стратегию хеджирования, направленную на блокирование нескольких поставщиков, чтобы уменьшить риск перебоев в поставках и использовать более дешевый импорт энергоносителей (Jaffe, Medlock, O'Sullivan, 2015). Это противоречит мнению многих наблюдателей о том, что Россия, если она будет действовать быстро и достаточно гибко по цене, сможет укрепить торговлю энергоносителями с Китаем в масштабах, имеющих стратегические последствия.

Актуализируются исследования влияния «сланцевой революции» на Китай и Российскую Федерацию, а также двустороннее энергетическое сотрудничество. При этом большинство авторов приходит к выводу об усилении этого сотрудничества под влиянием «сланцевой революции» (Feng, 2019).

Определенное место в научной литературе занимает исследование вопросов экономической безопасности Китая в рамках энергетического сотрудничества России и КНР (Митина, Ду, 2019).

Энергетические отношения России и Китая включают торговлю стран энергетическими товарами (переработанными и сырыми), инвестиционное, проектное, научно-техническое сотрудничество и взаимодействие на территории и/или с участием третьих стран.

Методологической базой исследования послужила концепция возможности равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия России и Китая в нефтегазовой сфере. Основной метод исследования — сравнительный анализ статистической информации относительно торговли Китайской Народной Республики и Российской Федерации на протяжении 2009–2018 гг. как в количественном аспекте (динамика товарооборота), так и в качественном (место и роль углеводородной составляющей в двусторонней торговле).

Результаты

Важнейшей составляющей российско-китайских отношений остается двусторонняя торговля, которая весьма динамично развивается (табл. 2) и приобретает все большее значение для обеих сторон.

Как видно из табл. 2, в 2018 г. взаимный товарооборот двух стран превысил 100 млрд долл., что представляет собой исторический максимум и некий важный психологический момент. Более того, обе стороны планируют увеличить двусторонний торговый оборот к 2024 г. до 200 млрд долл. посредством реализации совместных проектов в таких областях, как энергетика, промышленность и сельское хозяйство (Ellyatt H., 2019).

За исследуемый период стоимостной объем двустороннего товарооборота вырос с 34 182,8 млрд долл. в 2009 г. до 103 681,4 млрд долл. в 2018 г., т. е. в 3 раза, в том числе экспорт КНР в 2,7 раза, экспорт РФ — в 3,36 раза. Причем, что характерно, в 2018 г. во взаимной торговле сложилось положительное сальдо в пользу Российской Федерации, в то время как традиционно «плюс» в торговле двух партнеров имел Китай.

Из анализа представленных данных видно, что в 2009–2014 гг. имел место опережающий рост китайского экспорта в Российскую Федерацию. В 2014 г. китайский экспорт в Российскую Федерацию — как и экспорт Российской Федерации в КНР — упал (см. табл. 2) в связи с трудностями, возникшими у России из-за антироссийских экономических санкций западных стран, введенных в 2014 г. (Меланьина, 2018; Айдрус, Меланьина, 2016). С 2016 г. в двусторонней торговле наблюдается противоположная тенденция — более быстрыми темпами растет экспорт России на китайский рынок.

За счет чего возникли этот рост и положительное для Российской Федерации сальдо в торговле с Китаем?

Как видно из табл. 3, основной товарной группой в российском экспорте в Китай остается укрупненная группа «Сырьевые товары» (исключая драгоценные камни и немонетарное золото; последние две позиции Российская Федерация устойчиво экспортирует в Поднебесную с 2012 г., и стоимостной объем этой составляющей имеет тенденцию к увеличению, хотя на 2018 г. и не превышает 0,1%). В 2009 г. сырьевой экспорт Российской Федерации в КНР составлял 72,7% от общего объема экспорта в Поднебесную, а в 2018 г. — уже 91,3%, и это обстоятельство мы рассматриваем как отвечающее преимущественно интересам КНР, а не России.

В детализированной товарной структуре российского экспорта в КНР мы видим, что доля топлива (SITC 3) устойчиво росла за исследуемый период — с 7 516,6 млрд долл. в 2009 году до 41 226,4 млрд долл. в 2018 г., т. е. в 5,48 раза, в том числе в 2018 г. годовой прирост составил 63%. Доля топлива в российском экспорте составила в 2018 г. 73,59%.

Если говорить о позиции «Цветные металлы» (SITC 68), то в 2009–2016 гг. можно наблюдать устойчивое сокращение ее стоимостного объема в российском экспорте (в общей сложности в 10 раз) в 2009–2016 гг. и последующий прирост в 9,5 раз за 2017 г. и в 2,25 раза в 2018 г. И хотя удельный вес этой позиции в российском экспорте в Китай незначителен, тенденция говорит сама за себя.

Таким образом, в российском экспорте в Китайскую Народную Республику растет доля трудоемких и особенно ресурсоемких товаров — как в абсолютном, так и в относительном выражении.

Таблица 2.

Динамика двустороннего товарооборота России и Китая в 2009–2018 гг., млн долл.

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Экспорт КНР в РФ	17 513,8	29 612,1	38 903,0	44 056,6	49 591,2	53 676,9	34 756,9	37 339,6	42 830,6	47 661,5
Экспорт РФ в КНР	16 669,0	19 783,0	34 692,4	35 766,8	35 625,4	37 414,6	28 335,0	28 021,3	37 524,5	56 019,9
Товарооборот	34 182,8	49 395,1	73 595,4	79 823,4	85 216,6	91 091,5	63 091,8	65 360,9	80 355,1	103 681,4
Сальдо	844,8	9829,0	4210,7	8289,7	13965,8	16262,3	6421,9	9318,4	5306,1	-8358,4
Для справки										
Экспорт РФ, всего	303,4	400,6	522,0	529,3	521,8	496,8	341,4	281,7	353,1	443,1
Импорт РФ, всего	191,8	248,6	323,8	335,4	341,3	307,9	193,0	191,5	238,4	248,7
Товарооборот РФ, всего	495,2	649,2	845,8	864,7	863,1	804,7	534,4	473,2	591,5	691,8
Сальдо ВТ РФ	111,6	152,0	198,2	193,9	180,5	188,9	148,4	90,2	114,7	194,4
Экспорт КНР, всего	1 201,6	1 577,8	1 898,4	2 048,7	2 209,0	2 342,3	2 273,5	2 097,6	2 263,3	2 486,7
Импорт КНР, всего	1 005,9	1 396,2	1 743,5	1 818,4	1 950,0	1 959,2	1 679,6	1 587,9	1 843,8	2 135,7
Товарооборот КНР	2 207,5	2 974,0	3 641,9	3 867,1	4 159,0	4 301,5	3 953,1	3 685,5	4 007,1	4 822,4
Сальдо ВТ КНР	195,7	181,6	154,9	230,3	259,0	383,1	593,9	509,7	419,5	351,0

Источник: составлено и рассчитано по данным UNCTAD.

Таблица 3.

Товарная структура российского экспорта в КНР в 2009–2018 гг., млн долл.

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Экспорт РФ в КНР, всего	16 669,0	19 783,0	34 692,4	35 766,8	35 625,4	37 414,6	28 335,0	28 021,3	37 524,5	56 019,9
Сырьевые товары (SITC 0+1+2+3+4+68)	12 125,6	15 741,3	30 312,3	31 250,0	31 383,6	33 375,3	24 305,0	23 800,0	32 894,6	51 173,1
В том числе										
<i>Топливо (SITC 3)</i>	7 516,6	10 271,5	22 736,9	24 896,6	25 177,8	27 754,2	18 902,4	17 862,4	25 245,8	41 226,4
Цветные металлы (SITC 68)	498,1	383,0	278,9	130,6	125,5	103,4	159,7	57,0	543,4	1 224,8
Напитки и табачные изделия (SITC 1)	1,4	1,7	2,2	2,7	20,4	26,3	27,3	36,2	36,0	41,7
Сельскохозяйственное сырье (SITC 2 кроме 22, 27 и 28)	2 665,4	3 102,3	3 541,6	3 013,0	3 040,6	3 299,8	3 049,4	3 434,0	4 210,4	4 722,3
...										
Промышленные товары (SITC 5–8, кроме 667 и 68)	3 891,0	3 639,0	3 887,8	4 248,3	3 854,6	3 985,2	3 988,3	3 476,5	4 490,2	3 704,7
Машины и транспортное оборудование (SITC 7)	993,5	999,7	784,0	1 121,5	1 457,4	1 704,1	1 868,0	1 682,1	2 577,6	1 780,6
Высокотехнологичные товары: электроника (за исключением деталей и компонентов (SITC 751+752+761+762+763)	2,5	4,0	33,3	6,2	13,9	19,4	31,3	29,0	45,5	5,1

Источник: составлено по данным UNCTAD.

Таблица 4.

Товарная структура китайского экспорта в Российскую Федерацию в 2009–2018 гг., млн долл.

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Экспорт КНР в РФ, всего	17 513,8	29 612,1	38 903,0	44 056,6	49 591,2	53 676,9	34 756,9	37 339,6	42 830,6	47 661,5
Сырьевые товары (SITC 0+1+2+3+4+68)	1 410,0	2 013,3	2 675,0	2 557,6	2 729,4	2 829,4	2 245,8	2 298,6	2 539,0	3 140,0
В том числе										
Топливо (SITC 3)	89,4	221,8	351,2	293,6	286,2	184,6	177,4	157,9	244,2	308,7
Цветные металлы (SITC 68)	163,4	249,9	286,9	264,3	335,0	319,8	258,8	189,8	279,5	163,4
Напитки и табачные изделия (SITC 1)	17,3	20,4	28,5	27,6	25,9	17,0	12,7	14,0	14,6	17,7
Сельскохозяйственное сырье (SITC 2 кроме 22, 27 и 28)	41,9	87,6	158,9	150,3	123,6	147,4	106,4	109,0	134,0	156,7
...										
Промышленные товары (SITC 5–8, кроме 667 и 68)	16 094,5	27 591,0	36 210,2	41 497,6	46 860,4	50 846,3	32 509,1	34 978,4	40 205,4	44 519,7
Машины и транспортное оборудование (SITC 7)	5 440,7	10 472,1	14 831,4	17 543,3	17 523,5	18 171,4	11 690,1	15 049,0	17 919,7	18 215,8
Высокотехнологичные товары: электроника (за исключением деталей и компонентов) (SITC 751+752+761+762+763)	1 01,3	2 380,2	2 717,7	3 668,8	2 905,3	2 940,2	1 944,0	2 025,5	2 729,7	2 545,6
Высокотехнологичные товары: электроника (детали и компоненты) (SITC 759+764+776)	1 113,5	1 891,0	2 229,6	2 253,9	2 68,3	3 784,0	2 249,2	2 574,3	3 589,0	3 291,1
Прочие промышленные товары (SITC 6+8 кроме 667 и 68)	9 635,1	15 568,1	19 304,9	21 706,4	26 827,7	29 838,4	18 703,9	17 735,9	19 655,7	23 209,8

Источник: составлено по данным UNCTAD.

Китайский экспорт на российский рынок имеет диаметрально противоположную направленность (табл. 4). Так, в китайском экспорте 93,4% составляют промышленные товары. В этой группе важнейшее место занимают так называемые «Прочие промышленные товары» — это огромная масса товаров легкой (одежда, обувь, текстиль), химической промышленности, производство игрушек, товаров для путешествий и т. д. Удельный вес этой укрупненной группы в 2018 г. достиг 48,7% при росте за исследуемый период в стоимостном выражении в 2,4 раза, а в относительном доля этих товаров сократилась с 55% в 2009 г.

Второе место в китайском экспорте занимают машины и оборудование (т. е. продукция машиностроения), с 38,2% (рост за исследуемый период в стоимостном выражении достиг 3,3 раза, в относительном — на 7,1%). Таким образом, Китай постепенно смещает вектор своего экспорта в Россию в сферу машиностроения. Третье место занимает электроника, включая детали и компоненты (12,2%). Это ситуация отражает те структурные изменения в китайской экономике, которые имели место после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. (Шкваря и др., 2017).

Проведя анализ взаимной торговли России и Китая, мы приходим к выводу о преобладании, доминировании в российском экспорте топлива и, более того, о росте его доли в совокупном экспорте России в Китай.

Если говорить о двустороннем инвестиционном и проектном сотрудничестве, то ситуация практически аналогичная.

Кооперация со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), включая Китай, является для российской стороны в условиях санкций приоритетным направлением как в части поиска зарубежного финансирования, так и решения проблемы социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Вследствие этого стимулирование развития данных регионов имеет ключевое значение для Российской Федерации с целью активизации экономической деятельности как в регионе, так и в стране в целом.

Тем не менее, можно констатировать, что даже несмотря на то, что развитие российско-китайских отношений признается как необходимость на самом высоком государственном уровне, инвестиции из КНР имеют так называемый «точечный характер», то есть направляются лишь в такие определенные сферы, как нефтегазовый сектор и крупные инфраструктурные проекты (рис. 1).

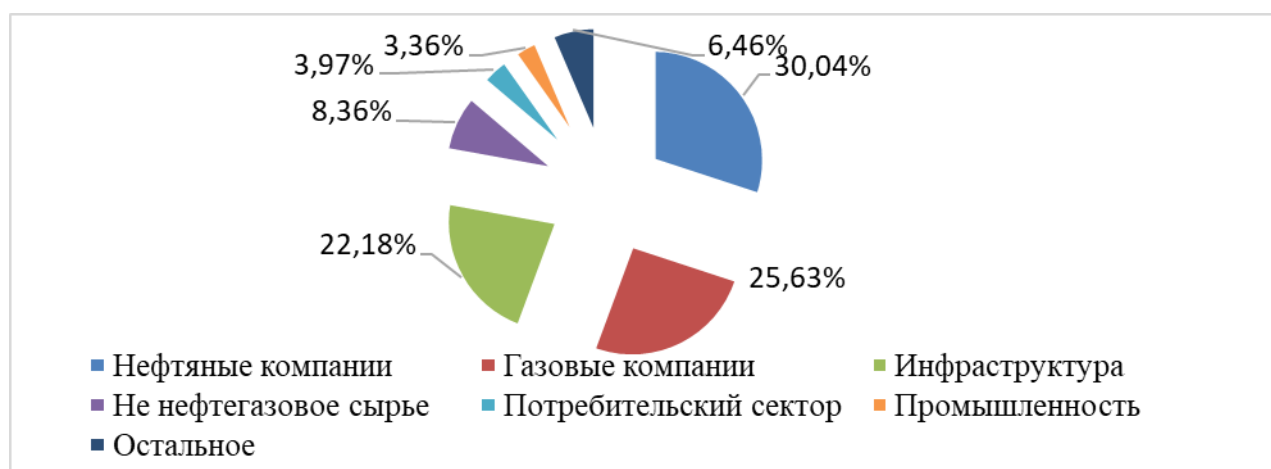

Рис. 1. Структура китайских инвестиций в российской экономике в 2018 г. по топ-200.

Источник: Данные «Эксперт Online».

Это явно не соответствуют стратегическим задачам Российской Федерации по качественному совершенствованию всех отраслей народного хозяйства.

Необходимо понимать, что активизация деятельности китайских инвесторов по отношению к российскому рынку является для нашей страны вынужденной мерой на фоне текущих геополитических ограничений и не может рассматриваться в качестве равноправного доверительного партнерства и долгосрочного стратегического взаимодействия (Kaczmarek, 2015), в то время как для Китая Российская Федерация представляет собой необходимый источник для удовлетворения собственных потребностей в энергоресурсах.

Сложившаяся в последнее время тенденция в глобальном нефтегазовом комплексе по переходу к производству продукции с добавленной стоимостью не находит отражения в практике китайских инвесторов на нефтегазовом рынке Российской Федерации, которые, в отличие от европейских компаний, все в меньших объемах инвестируют в нефтеперерабатывающую промышленность, отдавая предпочтение сегменту разведки и добычи (*upstream*) (табл. 5), создавая большие риски для российских госкорпораций.

Таблица 5.

Соотношение иностранных капиталовложений в нефтегазовый сектор России в 2011–2018 гг. (в %)

Сегменты нефтегазового комплекса РФ	Годовые индикаторы (в %)							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Сегмент <i>upstream</i>	91,48	75,69	46,84	92,65	85,26	97,42	94,39	98,61
Сегмент <i>downstream</i> *	8,52	24,31	53,16	7,35	14,74	2,58	5,61	1,39

* — без включения деятельности по транспортировке и хранению нефтепродуктов

Источник: рассчитано по данным Центрального Банка России.

Нефтяной сектор, по сути, является инерционным элементом национальной экономики: уменьшение объемов капиталовложений в его сегменты проявляется лишь через 4–5 лет (в 2017–2016 гг.), что означает необходимость проведения целенаправленной инвестиционной политики уже сегодня. Однако нынешний механизм привлечения иностранных инвестиций фактически противоречит Федеральному закону «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» от 29.04.2008 N 57-ФЗ, о чем свидетельствует рассматриваемая правительством идея по предоставлению китайским инвесторам доли свыше 50% акций в стратегических нефтегазовых месторождениях, за исключением шельфовых, в обмен на необходимые инвестиции (Russia, 2018).

Между тем, сам Китай, соблюдая интересы собственной национальной безопасности, не допустил осуществления ПАО «НК «Роснефть» прямого инвестирования в строительство нефтеперерабатывающего завода в Тяньцзине, продав лишь 49% акций в уставном капитале (Китай, 2018), что не позволяет говорить о равноправном инвестиционном сотрудничестве. Так, входящие инвестиции в российскую экономику из КНР в разы превышали исходящие в Поднебесную в 2010–2018 гг. (табл. 6), при том, что статистические данные по первому показателю не являются окончательными ввиду того, что китайские инвесторы зачастую

увеличивают масштабы своего присутствия в России через оффшорные юрисдикции (Кашин, Дружинин, 2018).

Таблица 6.

Инвестиционная кооперация России и Китая в 2010–2018 гг. (в млн долл.)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Прямые инвестиции РФ в КНР	30,0	20,0	63,0	14,0	54,0	11,0	6,0	33,0	35,0
Прямые инвестиции КНР в РФ	567,7	715,8	784,6	1022,2	633,6	2960,9	1293,0	1548,8	1177,1

Источник: составлено автором по данным Statistical Bulletin of China`s Outward Foreign Direct Investment и Центрального Банка России.

Несмотря на всю амбициозность планов российского руководства в рамках объявленной стратегии «трансформации на Восток» (Восточный экспорт, 2018), уже на современном этапе развития Китай начинает диктовать собственные условия в газовом диалоге с Россией, особенно учитывая то, что наиболее востребованным энергоресурсом на глобальном рынке в среднесрочной перспективе станет именно «голубое топливо», которое характеризуется самыми низкими выбросами CO₂ (Проект, 2019). Россия со своим огромным энергетическим потенциалом и ценообразованием на мировом газовом рынке (рис. 3) ежегодно наращивает добычу с целью пополнения бюджета.

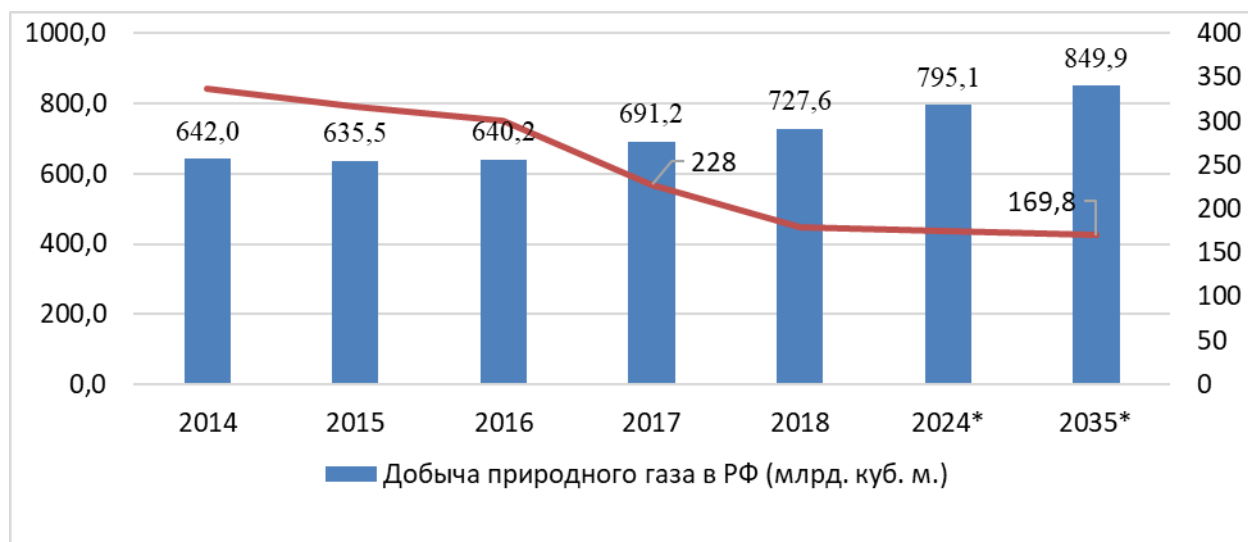

Рис. 3. Объем добычи природного газа в России (в млрд куб. м.) в разрезе среднеконтрактных цен в 2014–2035 гг. (долл./тыс. куб. м.)

Примечание: * — автором учитываются нижние значения прогнозных показателей Проекта Энергетической стратегии России на период до 2035 года, С. 66 [Прогнозный топливно-энергетический баланс, Приложение Б]

Источник: составлено автором по данным Министерства энергетики РФ, Министерства экономического развития РФ.

Таким образом, текущий геополитический контекст, вынуждающий проведение трансформации вектора внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в сторону АТР, в совокупности с существующими проблемами заставляет рассматривать

российско-китайские отношения не в качестве стратегического альянса, а скорее с точки зрения односторонней выгоды для китайского государства.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З., Меланьина М. В. (2016). Экономические санкции в условиях глобализации: проблемы теории и современная практика Ирака / Азия: вектор развития внешнеэкономического сотрудничества с Россией в условиях санкций Ежегодник — 2016. Под ред. Л. В. Шкваря. Москва. С. 48–76. [Aidrour I.A.Z., Melanyina M.V. (2016). Economic sanctions in the conditions of globalization: problems of theory and modern practice of Iraq / In: Asia: vector of development of foreign economic cooperation with Russia in the conditions of sanctions Yearbook-2016. Edited by L.V. Shkvarya. Moscow. Pp. 48–76. (In Russian)].
2. Фадеева А. (2016). В 2017 году нефтяники сократят инвестиции из-за роста налогов // Ведомости. 26 октября. 2016. [Fadeeva A. In 2017, oil companies will reduce investment due to tax increases. Vedomosti. October 26 (In Russian)]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/10/26/662388-neftyaniki-sokratyat-investitsii>
3. Forbes (2018). Восточный экспорт. Как Россия будет поставлять газ в Китай. [Forbes (2018). Eastern exports. How Russia will supply gas to China. (In Russian)]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/pmef-2018361783-vostochnyy-eksport-kak-rossiya-budet-postavlyat-gaz-v-kitay>
4. Выступление главного исполнительного директора ПАО «НК Роснефть» И. И. Сечина «Взаимодействие в энергетической и финансовых сферах» (2017). С.2. [Speech by I.I. Sechin, chief Executive officer of Rosneft, "Interaction in the energy and financial spheres" (2017). P.2. (In Russian)]. URL: www.rosneft.ru/upload/site1/attach/0/88/01/doklad_16052017.pdf
5. Кашин В., Дружинин А. (2018). Как китайский бизнес наращивает присутствие в России. [Kashin V., Druzinin A. (2018). As Chinese business increases its presence in Russia (In Russian)]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/04/25/5adee8c39a7947b744df3c90>
6. Китай медленно вонзает нож в легкие России (2019). АгитПРО. [China is slowly plunging the knife into Russia's lungs (2019). Agitpro (In Russian)]. URL: <http://agitpro.su/kitaj-medlenno-vonzaet-nozh-v-legkie-rossii/>
7. Ма Х. (2016). Анализ современного состояния российско-китайского сотрудничества в сфере энергоресурсов и перспективы его развития // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. № 3. С. 74–77. [Ma H. (2016). Analysis of the current state of Russian-Chinese cooperation in the field of energy resources and prospects for its development. Economics, statistics and Informatics. Herald of UMO. No.3. Pp. 74–77. (In Russian)].
8. Меланьина М. В. (2018). Влияние санкционных ограничений на динамику внешней торговли России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 11 (117). С. 4. [Melanyina M.V. (2018). Influence of sanctions restrictions on the dynamics of foreign trade in Russia. Management of economic systems: electronic scientific journal. No. 11 (117). P. 4. (In Russian)].
9. Министерство энергетики РФ [Ministry of Energy of the Russian Federation (In Russian)]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1215>
10. Министерство экономического развития РФ [Ministry of Economic Development of the Russian Federation (In Russian)]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/main>
11. Митина Н. Н., Ду Х. (2019). Российско-китайское энергетическое сотрудничество с точки зрения национальной безопасности Китая // Государственное управление:

Электронный вестник. № 77. С. 58–83. [Mitina N.N., Du H. (2019) Russian-Chinese energy cooperation from the point of view of China's national security. State administration: Electronic Bulletin. No. 77. Pp. 58–83. (In Russian)].

12. Петрунина Ж. (2012). Российско-китайское сотрудничество в нефтяной сфере в XXI веке // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск. [Petrunina Zh. (2012). Russian-Chinese cooperation in the oil sector in the XXI century. Russia and China: history and prospects of cooperation: materials of the 2nd international academic and research conference. Blagoveshchensk (In Russian)].

13. Проект Энергетической стратегии России на период до 2035 года [Draft Energy Strategy of Russia for the period up to 2035 (In Russian)]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1920>

14. Российско-китайское сотрудничество в сфере энергетики (2016). [Russian-Chinese cooperation in the energy sector (2016). (In Russian)]. URL: <http://www.invest-rating.ru/russia-china/?id=5024>

15. Тимофеев О. А. (2014). Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития // Вестник Амурского гос. ун-та. Сер.: гуманитар. науки. № 64. С. 57–61. [Timofeev O.A. (2014). Russian-Chinese relations at the present stage and prospects for their development. Journal of the Amursky State University. Series: Humanities. No. 64. Pp. 57–61. (In Russian)].

16. Центральный Банк России [Central Bank of Russia (In Russian)]. URL: http://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

17. Шкваря Л., Григоренко О., Стрыгин А., Русакович В., Шилина С. (2016). Влияние глобального экономического кризиса на технологические рынки стран Азии (Индия, Китай) // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т.19. № 2. С. 119–130. [Shkvarya L., Grigorenko O., Strygin A., Rusakovich V. (2016). Impact of the global economic crisis on Asian technology markets (India, China) // Centralnaya Azia i Kavkaz. V.19. No 2. Pp. 119–130. (In Russian)].

18. Щербаков Д. Н. (2015). Варианты периодизации российско-китайского сотрудничества в нефтегазовой сфере после распада СССР // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Т. 4. № 2. С. 158–166. [Shcherbakov D.N. (2015). Options for periodization of Russian-Chinese cooperation in the oil and gas sector after the collapse of the USSR. Journal of Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Vol. 4. No. 2. Pp. 158–166. (In Russian)].

19. Эксперт Online [Expert Online (In Russian)]. URL: <https://expert.ru/expert/2018/42/zakraem-neftegazovogo-gorizonta/>

20. Янь Ц. (2017). Современное состояние российско-китайского сотрудничества в нефтегазовой сфере // Вопросы национальных и федеративных отношений. № 4 (39). С. 304–313. [Yan Ts. (2017). The Current state of Russian-Chinese cooperation in the oil and gas sector. Questions of national and Federal relations. No. 4 (39). Pp. 304–313. (In Russian)].

21. Ellyatt H. (2019). Are Russia and China the best of friends now? It's complicated, analysts say. CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2019/09/27/russia-and-chinas-relationship--how-deep-does-it-go.html>

22. China, Russia to Further Deepen Partnership Amid New International Situation (2017). China Daily, July 5, p. 1.

23. Ernst & Young (2018). European Attractiveness Survey — Russia 2018. URL: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-european-attractiveness-survey-2018-eng/\\$File/ey-european-attractiveness-survey-2018-eng.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-european-attractiveness-survey-2018-eng/$File/ey-european-attractiveness-survey-2018-eng.pdf)

24. Feng A.Q. (2019). The shale revolution and Sino-Russian energy cooperation. *Journal of New Economy*, vol. 20, No. 4, pp. 108–118. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-4-6
25. Jaffe A.M., Medlock K.B. III, O’Sullivan M.L. (2015). China’s Energy Hedging Strategy: Less than Meets the Eye for Russian Gas Pipelines. National Bureau of Asian Research, 9 February. URL: www.nbr.org/downloads/pdfs/eta/ES_2015_ChinaHedgingStrategy.pdf
26. Kaczmarek M. (2015). *Russia-China relations in the post-crisis international order*. Routledge.
27. Perlez J. (2014). China and Russia Reach 30-Year Gas Deal. *New York Times*, May 21.
28. Russia may accept Chinese control of oil and gas fields. *World Bulletin*. URL: <https://www.worldbulletin.net/economy/russia-may-accept-chinese-control-of-oil-and-gas-fields-h155859.html>
29. Statistical Bulletin of China’s Outward Foreign Direct Investment. URL: <http://hzs.mofcom.gov.cn/article/date/>
30. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS AND THE ROLE OF THE OIL AND GAS SEGMENT

Damir Abdullaev

*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
119454, Russia, Moscow, Prospect Vernadskogo Street, 76*

The article deals with issues related to the deepening and development of Russian-Chinese trade and economic cooperation in the field of energy. The article is divided into two parts. The first one examines the trends of Russian-Chinese trade and concludes that it is developing dynamically and that the main positions of Russian exports to China remain raw materials, primarily energy. The second part shows that Chinese investments in Russia are carried out point-by-point, mainly in strategic industries, the most important of which is the hydrocarbon sector. The author's main conclusion is that the PRC is more actively, consistently and competently implementing its economic interests in bilateral economic relations, which can serve as an example for the Russian Federation.

Keywords: *Russia, China, oil and gas sector, trade turnover, export, import, investment, joint projects.*

JEL codes: *F12, F14.*

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО В ТАДЖИКИСТАНЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Чиниев Джами Бадридинович¹

В статье представлен авторский анализ процесса формирования элементов цифрового государства в Республике Таджикистан. Обоснована необходимость этого процесса, его этапы и современное состояние. Автором выделены основные проблемы, затрудняющие формирование цифрового государства в Таджикистане, из которых важнейшая — недостаточно высокая квалификация кадров. Автором предлагается комплекс мер по улучшению ситуации, среди которых — активизация сотрудничества со странами ЕАЭС в процессе формирования цифрового государства в Таджикистане на основе единых стандартов и требований.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, цифровое государство, цифровая экономика, цифровое правительство.

JEL коды: O32, O33, O38.

Введение

Одной из важнейших задач остается формирование цифрового государства в Республике Таджикистан, что укрепит независимость и экономическую безопасность, а также устойчивый социально-экономический рост и прогресс. Цифровое государство — это эффективное государство будущего, в котором технологии играют основополагающую роль. Многие страны мира, в том числе Российская Федерация, пришли к необходимости формирования цифрового государства и соответствующих стратегий развития (Стратегия, 2016).

Понимание важности формирования цифрового (информационного) государства в Республике Таджикистан сложилось достаточно давно — как на правительственном уровне, так и в бизнес-среде, и в обществе в целом. Однако до настоящего времени в научном сообществе Республики Таджикистан не уделяется должного внимание фундаментальному исследованию этих процессов.

Методология

В статье проведен анализ основных документов Республики Таджикистан, предусматривающих в той или иной мере формирование цифрового (информационного, электронного) государства. Цель статьи — показать состояние и перспективы формирования цифрового государства в Таджикистане, а также проблемы и пути их решения.

¹ *Чиниев Джами Бадридинович* — кандидат экономических наук, экономист, Международный валютный фонд, Национальный Банк Таджикистана, проспект Рудаки, 107А, 734003, Душанбе, Таджикистан.

Результаты

Цифровизация (от англ. «digitalization»), или «процесс внедрения цифровых технологий», характеризуется внедрением прорывных ИКТ, подразумевающих новые формы взаимодействия, предоставления услуг и потребления (Ahmad, Schreyer, 2016). Соответственно, цифровая экономика — это уклад, в котором происходит системный и последовательный перевод в цифровой вид традиционных форм деловых и производственных отношений, форм взаимодействия населения и предприятий с государством (Меланьина, 2019).

Этот уклад все шире применяется многими, в том числе развивающимися, странами мира (и всеми, достигшими успеха в социально-экономическом развитии), формируя цифровое государство. По мнению экспертов, оно базируется на нескольких составляющих — «цифровое правительство», «умный город», «умный транспорт» и т. д. Все они в той или иной степени должны быть представлены в национальной экономике, и страны мира активно инвестируют в создание соответствующей инфраструктуры.

Сегодня эффективное внедрение информационных и коммуникационных технологий в развивающихся странах стало одним из ключевых факторов их развития. Поэтому серьезные задачи, стоящие перед Республикой Таджикистан (Программа 2016–2020) и стратегические цели государственного развития, включая и обеспечение экономической безопасности, устойчивого роста ВВП, роста внешней (электронной) торговли (Турдибеков, 2018), снижения инфляции, повышения доходов государственного бюджета и реализации инвестиционной программы в 2020–2022 гг. (рис. 1) и в более долгосрочной перспективе, требуют от Республики Таджикистан формирования цифрового государства.

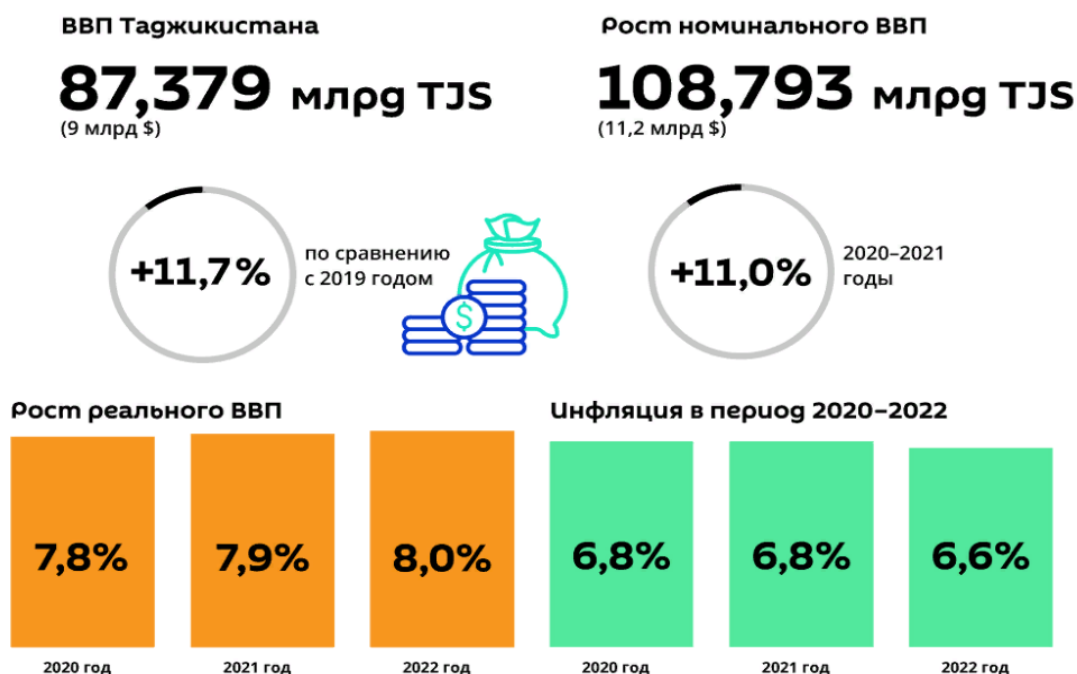

Рис. 1. Динамика макроэкономических показателей Республики Таджикистан в 2020–2022 гг.
 Источник: Экономика Таджикистана, 2020.

Президент Республики Таджикистан, Его Превосходительство Эмомали Рахмон, в своем Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан (20 апреля 2012 г.) отметил, что

использование информационных и коммуникационных технологий в различных сферах общественной жизни является важным требованием современности (Обращение Президента, 2012).

Поэтому, используя мировой опыт в области подготовки высококвалифицированных кадров, развития необходимой информационной инфраструктуры, формирования цифровых платформ, в Республике Таджикистан следует шаг за шагом как создавать технико-технологические основы цифрового государства, так и повышать уровень знаний и навыков государственных служащих, правоохранительных органов, инвесторов и предпринимателей в сфере внедрения электронного управления и целевого использования современных технологий.

Первым шагом на пути формирования цифрового государства служит широкое внедрение в стране информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и создание действенной и эффективной системы электронного правительства.

Первая Государственная программа развития и внедрения информационно-коммуникационных технологий в Республике Таджикистан на 2014–2017 гг. была принята в 2014 г. (Постановление, 2014), которая, собственно, явилась продолжением работы в рамках выполнения Указа Президента Республики Таджикистан от 5 ноября 2003, № 1174 «О Государственной стратегии Информационно-коммуникационные технологии для развития Республики Таджикистан».

В целях повышения уровня технического образования различных сегментов и структур общества и внедрения информационно-коммуникационных технологий в народное хозяйство Республики Таджикистан решением Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2011 года № 643 Концепция формирования электронного правительства в Республике Таджикистан». Первое заседание Рабочей группы по вопросам управления и технических работ с участием представителей Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан и соответствующих министерств и ведомств было проведено 21 февраля в Душанбе (В Таджикистане внедряется..., 2019).

Реализация Концепции обеспечивает возможность своевременно предоставлять широкий спектр государственных услуг в электронном виде (как гражданам, так и бизнесу), а также устранять такие негативные явления, как бюрократия и коррупция в обществе.

Концепция определяет 3 этапа внедрения электронного правительства.

Первый этап (2012–2013 гг.) предполагал формирование единой компьютерной и интернет-сети и подключение к ней министерств и ведомств, исполнительных органов государственной власти, предприятий и учреждений всех городов и районов на основе отраслевых и институциональных программ в области развития информационно-коммуникационных технологий. Все государственные и частные структуры (субъекты хозяйствования) обязаны вести свои сайты, где отражаются повседневные процессы их деятельности, которая таким образом становится прозрачной. Формирование такой сети служит ключевой частью системы электронного правительства Республики Таджикистан. В то же время электронная система имеет типовые ведомственные технологические решения по поддержке и предоставлению государственных услуг и доступа к информации о деятельности государственных органов, защищенный документооборот, определенные необходимые рубрики.

На втором этапе (2013–2015 гг.) в целом удалось осуществить:

- улучшение правового, административного и технического статуса электронного правительства;
- разработку двусторонних и многосторонних коммуникационных механизмов для введения единой электронной документации;
- расширение ведомственных и межведомственных источников информации;
- преодоление цифрового разрыва в стране;
- создание межведомственных электронных систем в структурах местного самоуправления.

Финальный этап (2015–2020 гг.) предусматривает развитие электронного правительства, автоматизацию процесса предоставления государственных услуг населению, учреждениям и бизнесу, а также получение услуг государственных органов для общественных нужд.

Внедрение информационной системы электронного правительства и обеспечение информационной безопасности этой системы имеет ряд организационных, экономических, законодательных, правовых, технологических и кадровых проблем, которые необходимо решать с помощью системного и комплексного подхода.

Сегодня в Республике Таджикистан можно выделить следующие проблемы, препятствующие развитию цифровой экономики:

- нехватка соответствующих профессиональных кадров, несоответствующее образование и/или низкий уровень знаний специалистов на местах. В то же время именно качество человеческого капитала, его профессионализм может обеспечить, как показывает мировой опыт, успех цифрового государства и в целом цифровой экономики;
- отсутствие средств прогнозирования в городах и районах для эффективного внедрения электронного правительства;
- халатность или безответственность должностных лиц отрасли;
- неадекватная установка и применение современных технологий;
- нецелевое использование выделенных средств;
- низкий уровень обслуживания интернет-провайдеров;
- отсутствие контроля и конкретных требований, а также алгоритмизации со стороны властей.

Стоит отметить, что в следующем послании Президента Республики Таджикистан, Его Превосходительства Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 26 декабря 2019 г. было подчеркнuto, что «дальнейшее внимание уделяется качественным аспектам развития национальной экономики. Основное внимание следует уделять инновациям, увеличению производства конечных продуктов, повышению экономической активности населения, совершенствованию системы поддержки бизнеса и инвестиций и расширению цифровой экономики» (Обращение Президента, 2019).

Нами разработаны следующие предложения, реализация которых, как представляется, обеспечит целенаправленное внедрение электронного правительства и перехода к цифровой экономике:

1. Обеспечение информационной безопасности и соответствия установленным требованиям (техническим и информационным) правительственных и других официальных сайтов путем создания специальной структуры (например, специализированного агентства),

которое занималось бы оказанием содействия субъектам хозяйствования и государственным структурам в создании, поддержании и функционировании как непосредственно сайтов, так и серверов, и программирования и т. д., и которая также могла бы оперативно рассматривать поступающие документы и контрольные материалы.

2. Применение конфиденциальности программистов Tajnet, Babilon, Esther, Tarena и других компаний, особенно супер-администратора, администратора, модератора и технического специалиста, для обеспечения безопасности сайтов органов власти в большинстве городов и регионов.

3. Организация учебных курсов, семинаров и круглых столов, тем самым пропагандируя «электронное правительство», «умные города» и т. д. с целью информирования населения и субъектов хозяйствования о возможностях «цифрового государства» и повышения профессиональных знаний специалистов в области цифровой экономики.

4. Создание финансовых возможностей (предусмотреть ассигнования из местного бюджета) на поддержку работы инфраструктуры местных органов власти с использованием современных технологий, то есть отдельных серверов и новых компьютеров (опыт городов и районов Согдийской области).

5. Осуществлять мониторинг расходов «электронного правительства» и его эффективной деятельности со стороны властей.

6. Разработать и утвердить единую форму официальных сайтов ответственными органами с учетом национальных стратегических целей страны (рекомендация сайта Исполнительного органа государственной власти города Душанбе — «Хушманд» — в качестве примера для других городов и регионов страны).

7. Создание единого интернет-портала органов власти и подведомственных органов (по отраслям, или секторам) для информирования о состоянии отраслей и новостях дня.

Что касается внедрения цифровой экономики и цифрового государства, механизмов цифрового продвижения, посредством которых обеспечивается формирование и мониторинг индикаторов для улучшения положения страны, широкополосного и мобильного доступа в Интернет, роста международного трафика, количества предприятий и предприятий, подключенных к единой государственной цифровой системе, — здесь также пока сохраняется ряд проблем как технического, так и квалификационного плана.

Заключение

Из-за существующих проблем можно сделать вывод, что внедрение «электронного правительства» далеко не в полной мере соответствует этапам реализации утвержденной Концепции, что требует более серьезного внимания со стороны лиц, ответственных за ее реализацию и формирование основ цифрового государства.

Актуализируется задача увеличить количество пользователей цифровых услуг, повысить качество услуг, предоставляемых в цифровой форме, и создать новые рабочие места в цифровом секторе, определяя основную базу для ее развития и формирования цифрового государства в перспективе.

Также представляется актуальным более тесное сотрудничество со странами ЕАЭС в формировании основ цифрового государства в Республике Таджикистан, в том числе в организации повышения профессиональной квалификации работающих в данной сфере.

В то же время представляется, что в стране есть возможности реализации программ цифрового государства, что конечно требует последовательных и значительных усилий. Но цифровое государство — это не «новая мода», а жизненная необходимость для страны. И, как говорит восточная мудрость, дорогу осилит идущий...

Список литературы

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. [Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030. (In Russian)]. URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2016/12/2016-strategia_IO_proekt_dec.pdf
2. Ahmad N., Schreyer P. (2016). Is GDP Still Measured Correctly in an Era of Digitalization? Statistical issues. No 8. Pp. 15–26.
3. Меланьина М. В. (2019). Цифровизация мировой экономики: этапы, темпы, перспективы // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 11. № 2. С. 141–147. [Melanyina M.V. (2019). Digitalization of the world economy: stages, rates, prospects. Economics and management: problems, solutions. Vol. 11. No. 2. Pp. 141–147. (In Russian)].
4. Турдибеков Б. А. (2018). Современное состояние и формирование цифровой экономики в Республике Таджикистан // Вестник Евразийской науки. Т.10. № 1. С.32–37. [Turdibekov B.A. (2018). The modern state of the formation of the digital economy in the Republic of Tajikistan. The Eurasian Scientific Journal, Vol. 10, No 1, (10). Pp. 32–37 (In Russian)].
5. Navigant Research. Smart Cities; Intelligent Information and Communications Technology Infrastructure in the Government, Buildings, Transport, and Utility Domains (Research report). Retrieved 9 February 2012. URL: <http://www.navigantresearch.com/research/smart-cities>
6. Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2016–2020 годы [Medium-term development program of the Republic of Tajikistan for 2016–2020 (In Russian)]. URL: https://nbt.tj/files/program/programm_ru.pdf
7. Экономика Таджикистана 2020 [Economy Of Tajikistan 2020 (In Russian)]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/infographics/20200116/1030554741/Ekonomika-Tajikistan-osnovnye-pokazateli-2020-god.html>
8. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 3 июля 2014 г. «О государственной программе развития и внедрения информационно-коммуникационных технологий в Республике Таджикистан на 2014–2017 гг.» [Resolution Of the government of the Republic of Tajikistan dated July 3, 2014 "On the state program for the development and implementation of information and communication technologies in the Republic of Tajikistan for 2014–2017» (In Russian)]. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=69380
9. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2019 г. № 642 «Об утверждении Цифрового экономического обоснования Республики Таджикистан» [Resolution of the government of the Republic of Tajikistan No. 642 of December 30, 2019 "On approval of the Digital economic justification of the Republic of Tajikistan" (In Russian)].
10. Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 5 ноябри соли 2003, №1174 «Дар бораи Стратегияи давлатии Технологияҳои иттилоотӣ ва коммуникатсионӣ барои рушди Ҷумҳурии Тоҷикистон». Указ Президента Республики Таджикистан от 5 ноября 2003 года № 1174 «О Государственной стратегии в области информационно-коммуникационных технологий для развития Республики Таджикистан» [Decree of the President of the Republic of

Tajikistan No. 1174 of November 5, 2003 «On the State strategy in the field of information and communication technologies for the development of the Republic of Tajikistan» (In Tajik)].

11. Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 15 марти соли 2006, №1713. «Дар бораи Стратегияи ислоҳоти системаи идораи давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон». Указ Президента Республики Таджикистан от 15 марта 2006 года № 1713 «О стратегии реформирования системы государственного управления Республики Таджикистан». [Decree of the President of the Republic of Tajikistan No. 1713 of March 15, 2006 «On the strategy for reforming the public administration system of the Republic of Tajikistan» (In Tajik)].

12. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 26 декабри соли 2019. Ежегодное обращение Президента Республики Таджикистан к Маҷлиси Оли Республики Таджикистан 26 декабря 2019 года. [Annual address of the President of the Republic of Tajikistan to the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan on December 26, 2019 (In Tajik)]. URL: <https://nbt.tj/tj/news/492815/>

13. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 20 апрели соли 2012. Ежегодное обращение Президента Республики Таджикистан к Маҷлиси Оли Республики Таджикистан 20 апреля 2012 года. [Annual address of the President of the Republic of Tajikistan to the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan on April 20, 2012 (In Tajik)]. URL: <http://www.mmk.tj/president/letter/2012>

14. В Таджикистане внедряется концепция цифровой экономики [The concept of the digital economy is being introduced in Tajikistan (In Russian)]. URL: <https://e-cis.info/news/567/74469/>

DIGITAL STATE IN TAJIKISTAN: MAIN STAGES OF FORMATION, PROBLEMS AND OPPORTUNITIES

Chiniev Jami Badriddinovich

PhD, the economist,

*International Monetary Fund, National Bank of Tajikistan,
107A, Rudaki Avenue, 734003 Dushanbe, Tajikistan*

The article presents the author's analysis of the process of forming elements of the digital state in the Republic of Tajikistan. The necessity of this process, its stages and current state are justified. The author highlights the main problems that make it difficult to form a digital state in Tajikistan, the most important of which is the lack of high qualification of personnel. The author proposes a set of measures to improve the situation, among which is the activation of cooperation with the EAEU countries in the process of forming a digital state in Tajikistan based on common standards and requirements.

Keywords: *Republic of Tajikistan, digital state, digital economy, digital government.*

JEL codes: *O32, O33, O38.*

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ / INNOVATION AND TECHNOLOGY**THE GCC COUNTRIES: AN INNOVATIVE COMPONENT
OF THE ECONOMY***Ludmila Shkvarya¹**Yuliana Solovieva²*

The countries of Gulf Cooperation Council (GCC) have achieved impressive progress in creation of innovative economy that shows growth of an oil component and high rates of innovative development, according to the international organizations. The article specifically examines both new branches and kinds of activity (including the space industry, mechanical engineering and renewable power), and also traditional sectors of GCC countries economy (such as oil and gas, petrochemistry, water desalting) developing on an innovative basis. Authors analyze the rates of economic growth of the countries of GCC in 2014–2017. In article has shown what purposes of development of innovative elements of national economies of the countries of GCC, what directions are chosen in GCC as catalysts of innovative processes. As has demonstrated our research, GCC needs to stimulate innovations and to diversify the economic basis, to reduce its dependence on hydrocarbons and also to provide creation of opportunities in sense of employment and development for a large number of the young citizens.

Key words: *GCC, innovation sector, traditional sector, diversification, economic development.*

JEL codes: *O400, O530, F150.*

Introduction

Development of modern world economy, the certain regions and states including developing is carried out on the basis of an innovative component as one of criteria of social and economic development. However innovative processes quantitatively are also qualitatively differentiated, both in the world in general, and in certain regions, including in Gulf States (Bahrain, Kuwait, Qatar, Oman, Saudi Arabia, the UAE), united in the integration block Gulf Cooperation Council (GCC).

In recent years the countries of GCC have started implementation of a number of the reforms and initiatives directed to creation and development of an innovative component of national economy. These initiatives cover development of the human capital and assistance to research and development (Research and Development), involvement of hi-tech foreign multinational corporations, introduction of modern innovative achievements at the concrete enterprises. In the

¹ *Ludmila Shkvarya* – Doctor of Economics, Professor of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation.

² *Yuliana Solovieva* – PhD, Associate Professor of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation.

countries of GCC there are new branches and kinds of activity (including the space industry, mechanical engineering and renewable power) and also traditional sectors (such as oil and gas, petrochemistry, water desalting) developing on an innovative basis. GCC has achieved significant progress in the field of innovations for rather short period of time and has gained the experience which is of interest to many other countries including the Russian Federation.

If to consider that circumstance that innovative development is carried out in many respects and within regional integration activity within Gulf Cooperation Council, it is possible to speak about need and importance of a research of an integration component in the course of formation of an innovative cluster in GCC countries.

Importance of a research of an innovative component in economies of the countries of GCC is staticized in the last 4–5 years in connection with volatility of the hydrocarbons world market. In this regard a number of scientists – both Russian, and foreign – pays attention to conditions and features of modern social and economic development of Gulf countries.

Objectives

One of the most important tasks for the region in the 21st century remains diversification of national economy on the basis of new modern technologies, and not only in the sphere of production, but also management, marketing, etc. Many experts, for example, Aidrous I.A.Z., Biryukov E.S, Isaev V.A., Rusakovich V.I., Filonik A.O. consider that gradual diversification of national economies of GCC countries, steady self-sustaining growth, and in the long term – transition to economy of knowledge in Gulf countries – the stable phenomenon leaning not so much on the steady oil base, but also on an innovative component (Rusakovich, 2017; Aidrous I.A.Z., 2015; Isaev, Filonik, 2015).

So, researchers of Institute of Oriental studies of RAS Isaev V. A. and Filonik A.O. believe that in the Emirate Qatar "Restructuring of economy due to diversification of national production and introduction of modern engineering in economic and administrative processes naturally is associated with modernization of all reproduction mechanism enduring some kind of Renaissance initiated by introduction into it of new knowledge, achievements of a scientific and technical thought" (Isaev, Filonik, 2015).

The Arab scientists emphasize that development of innovative business and its state regulation carry out all countries of GCC, relying on world practice and the existing theory, consider as long-term strategy, consistently realize and make certain success in this process (Al-Mubarak, Busler, 2012).

In an interview with his Excellency the Ambassador of Bahrain to the Russian Federation noted that innovation is considered by the country as the main tool for its development in the long term. (An interview, 2017).

Technological change can increase the productivity of the various factors of production in equal terms, or it can be biased toward a specific factor (Doraszelski U. and Jaumandreu J. 2018). This is particularly important for countries that are creating new technological opportunities and innovative development directions.

The purpose of the real research can be stated briefly in the following items: understanding of that as well as by means of what mechanisms and tools of the GCC countries develop an innovative component of the economy. Besides, questions of a research can be summarized in the following items: 1. What purposes of development of innovative elements of national economies of

the countries of GCC? 2. What directions are chosen in GCC as catalysts of innovative processes? 3. What problems do the countries in innovative process face? 4. What results?

Methods

We use systemic approach, comparative and statistical analysis. As shown in the analysis of economic situation and development in the GCC countries at the current stage, all of them have an objective need to change the structure of their economy and diversify the national economy in order to reduce dependence from mining industries, world prices fluctuations. We are using country authorities, and United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) statistical database, and IMF staff estimates. We chose 2011–2017 period of research, because it avoids the influence of market factors. The level of socio-economic and innovative development of the GCC countries was evaluated through statistical analysis of the main macroeconomic indicators that characterize the dynamic processes in the region and in individual countries and their comparison within the region and the global economic system to identify innovation indicators. We analyzed the most significant Arab reforms over the past decade aimed at creating, supporting and developing an innovative segment in the national economy. We investigated the main participants of the innovation process, methods of supporting innovation activities, classify the results.

Results

Questions of innovative development and formation of innovative elements of national economy are relevant for many countries of the world first of all developing especially in the conditions of, on the one hand, growth of an innovative component of world economy, and with another – sharply amplified volatility and maintaining the main signs of recession proceeding so far.

The statistical analysis shows that recession has exerted negative impact and on social and economic dynamics of the countries of GCC (tab. 1).

The submitted statistical data show considerable reduction of rates of economic growth of the countries of GCC in 2014–2017 (under the influence of global oil crisis and world recession), especially deep in the oil sector of their economy. So, in general on GCC 2016 became the heaviest, and regional GDP has grown only by 1.8% in a year – the lowest indicator since 2009. This delay, however, has been very differentiated over the countries. So, Qatar in 2014 and the UAE – in 2015 managed to increase GDP by 4% while the economy of Kuwait in 2014–2015, and Saudi Arabia – in 2016 grew at the smallest rates.

In 2013–2016 speed was slowed down, and even growth has fallen in the oil sector of the considered group of the countries to negative values. Consequences were the heaviest for the oil sector of Kuwait and Qatar, and the first managed to overcome by 2016 negative tendencies in not oil segment and in general in economy, first of all due to growth in not oil sector, and at fall of oil revenues and growth not this background of inflation, to increase positive balance of the foreign trade balance.

As a result of reduction of prices of oil and, respectively, state revenues in 2014–2015, government expenses were cut down, and inflow of deposits to banks was slowed down and has led to some weakening of growth of crediting.

Table 1.

GCC Countries: Selected Economic Indicators, 2011–2017 (percent change)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Real GDP							
Bahrain	2.0	3.7	5.4	4.4	2.9	2.1	1.8
Kuwait	10.9	7.9	0.4	0.6	1.1	2.5	2.6
Oman	4.1	5.8	3.2	2.9	3.3	1.8	2.6
Qatar	13.4	4.9	4.6	4.0	3.7	2.6	3.4
Saudi Arabia	10.0	5.4	2.7	3.6	3.5	1.2	2.0
United Arab Emirates	4.9	7.1	4.7	3.1	4.0	2.3	2.5
GCC countries	8.9	5.9	3.1	3.3	3.4	1.7	2.3
Real Oil GDP							
Bahrain	3.6	8.5	15.3	3.0	-0.1	0.9	0.0
Kuwait	15.6	10.3	-1.8	-2.1	-0.5	2.0	2.0
Oman	2.1	4.1	0.7	-0.8	2.6	0.8	1.4
Qatar	15.0	1.2	0.1	-1.5	-0.2	-0.8	0.9
Saudi Arabia	12.2	5.1	-1.6	2.1	4.0	2.3	1.1
United Arab Emirates	6.6	7.6	2.9	0.8	4.6	2.0	2.0
GCC countries	11.0	5.4	-0.1	0.9	3.1	1.8	1.4
Real Nonoil GDP							
Bahrain	1.6	7.1	3.1	4.7	3.6	2.4	2.2
Kuwait	4.2	4.0	4.0	5.0	3.5	3.2	3.5
Oman	6.4	7.7	5.8	6.6	4.0	2.7	3.7
Qatar	11.1	10.2	10.6	10.6	7.8	6.1	5.7
Saudi Arabia	8.1	5.5	6.4	4.8	3.1	0.3	2.6
United Arab Emirates	4.1	6.9	5.6	4.1	3.7	2.4	2.7
GCC countries	7.0	6.2	6.3	5.4	3.8	1.8	3.1

Sources: Economic Prospects and Policy Challenges for the GCC Countries, 2016.

These circumstances and also growth of credit risks and exchange rate have slowed down growth and in not oil segments. As a result the inertial growth in 2015 which has reached 3.8% was reduced in 2016 to 1.8% and has grown in 2017 to 3.1% as a result of some increase in prices in the world market of oil. However this process, apparently from the analysis of the submitted data, is differentiated over the countries and substantially depends on the course of structural reforms. So, Qatar shows the highest rates of growth in not oil segments of economy throughout all considered period significantly exceeding averages on the region indicators. The lowest growth in not oil segments in 2015–2016 is noted at Saudi Arabia, and in 2017 – at Bahrain.

Despite some increase in prices for oil in the world market, it is possible to expect that economic growth in the countries of GCC in the short term will remain weak (including under the influence of considerable political risks in the region), and the balance of the budget and the foreign trade balance will worsen.

Thus, increasing activity of not oil, first of all innovative, segments of national economic systems of the countries of GCC is the major problem of the considered group of the states.

In this regard in the 2000th all countries have developed the state long-term strategies of social and economic development. It is Bahrain Economic Vision – 2030; UAE Economic Vision – 2021; Kuwait Vision – 2035; Qatar National Vision – 2030; Oman Economic Vision – 2020. On this basis all Gulf countries pay much attention of an innovative component and carry out a series of the reforms and initiatives directed to acceleration of innovative development and formation of the

economy based on knowledge. Innovative development in these countries happens the accelerated rates – as by comparison to own development during all previous historical period, and in comparison, with other regional groups.

Being the only country of the Arab world with the economic system focused on innovations, the *United Arab Emirates* developed and improved the system of support of innovations within vision of the economy based on knowledge. The projects realized on the artificial island Saadiyat built near Abu Dhabi and in various innovative clusters of Dubai confirm significant changes on a national scale.

The UAE have gained a significant amount of points on such indicators as technological infrastructure, investments into education and use of knowledge, having taken respectively the eighth, fifteenth and third places in the world ranking. Actually it means that the country moves in the direction of branches of the economy based on knowledge. The UAE have achieved similar results concerning the index of efficiency of innovations which analyzes how the countries use support infrastructure for stimulation of innovations.

The country has put a lot of effort for creation of effective system of innovations support, for example, in the field of regulation and strengthening of activity of research institutes through the whole country that guarantees continuation of innovative activity.

Now the UAE are realized by several programs for support of innovations. Strengthening of motivation to introduction of innovations among individual entrepreneurs and the companies is considered by the state as an important precondition of cultural development of innovations and business in the country. Therefore on the state for support of business and innovations of the UAE the innovative center "in5" has been created. Located in the Internet city of Dubai (Dubai Internet City, DIC), the center develops in five main directions: support of the beginning businessmen and small and medium-sized enterprises, business advance, development of innovations, support of creation of ecosystems in the field of information and communication technologies and that the most important, advance of Dubai as ideal place for opening of the hi-tech enterprises (Shkvarya, Frolova, 2017).

The UAE are also known for the policy of intolerance for violations of the law in the field of intellectual property and the system of regulation in the sphere of patenting, protection of copyright and trademarks.

Saudi Arabia invests considerable resources in "The scientific and economic city" (KEC) in Medina, place of burial of the prophet Mohammed and a citadel of Islam, for development of high technologies here. This project is designed to attract foreign investors and to stimulate economic development of the city. The project is financed by the private sector with assistance of the general investment organization of Saudi Arabia (SAGIA) within creation of a special economic zone. KEC – one of the last grandiose projects of the kingdom, first of which, constructed in Rabig on the western coast, was called "The economic city of the king Abdullah".

Unites all similar projects in Saudi Arabia:

- "Symbiosis" of conservative Muslim culture and scientific progress;
- State investment into innovative projects and diversification of economy;
- The aspiration to get the latest scientific developments and technologies in the most various areas;
- Providing the opportunities of business based on technologies and its development in the sphere of technologies.

Qatar realizes the policy focused on development of an innovative component of national economy in all her spheres, including in agricultural. So, according to the World Economic Forum, about 10% of production of agriculture in the country are produced as a result of research and development (The Global Innovation Index, 2017).

The combination huge (though reduced since 2014) income from gas export, aggressive foreign policy and existence of the most powerful tool for information processing of masses – Al Jazeera TV channel – has made this emirate the leading player in all Middle East.

Economic indicators of the country impress: on growth rates of GDP (16% a year) it is among regional leaders, and on GDP volume per capita (more than 100 thousand dollars) takes the 1st place in the world.

The economic miracle is explained first of all by a resource factor. Qatar takes the 3rd place in the world on reserves of natural gas (more than 900 trillion cubic meters) and the 6th – on volumes of export of hydrocarbons. Similar stocks allow Qatar to increase intensively production, and the emirate places emphasis on liquefied natural gas, and invests the received currency revenue in innovations and knowledge. "Tool" in this policy is *Qatar Foundation* (Qatar Fund of Education, Science and Social Development) – public and private non-profit organization of Qatar. The purpose of its activity is support of various enterprises by Qatar, from carbon production to economy of knowledge, realizing human potential. In addition to private sources of financing this organization is supported and financed by the government of Qatar. Also there is a foreign financial support of research and development in agricultural spheres within programs of official aid to development to Qatar and the UAE.

It is especially important for all Gulf countries as they are one of the most droughty countries of the world, and research and development in the sphere of agriculture are important especially. In particular, desalting of water and an irrigation are important for watering in the conditions of growth of the population and, respectively, the need for food for the region. But desalination installations power-intensive and resource-intensive, and for this reason of the country of GCC are invested in the enterprises of solar power (solar power plants, CSP) by which use big mirrors for generation of thermal energy for desalting. Taking into account the high expenses connected with CSP, the state and private sectors need to work together for ensuring more widespread introduction of achievements of research and development.

In the countries of the region innovative processes in manufacturing industry also develop, increasing potential in this sphere the forthcoming years. The purpose – creation of system approach to innovations and improvement of productions and also administrative and technical operations with use of the latest and most advanced technologies.

So, research and development in the aluminum industry is conducted by Aluminium Bahrain bsc corporation (Alba, Bahrain). The company works on a number of the key research and development projects now, among them – a continuous covering for coal anodes. If positive results are received (as expected), it will allow to save up to 11.2 mln dollars a year and to reduce emissions of CO₂ in the atmosphere by 62 000 tons (Aluminium Bahrain, 2017).

In the sphere of innovative development *Bahrain* aspires to:

- increase in financing of development of science and expansion of use of the state and private capital for obtaining the newest technologies for the purpose of compensation of backwardness;
- support on development of the most modern industry;
- orientations to economic model, more independent of export of energy resources.

In *Kuwait* it is possible to note Fund of Scientific Development of Kuwait which pays all scientific research in the country. The Kuwaiti Research Institute (KRI) is engaged in developments in the sphere of a scientific and technological research (Aidrous, 2012).

Purpose educational and research centers and funds:

- creation of demand for innovations from the private and state national enterprises in various branches and also from natural persons (households);
- preparation of the corresponding shots;
- growth of a technical and innovative role of the private sector as the state enterprises apply innovations for a long time and steadily – both technical, and administrative, market, financial.

It is possible to note also the Knowledge Oasis) and the University of the sultan Qaboos founded in 1985 in *Oman*. In *Oman* the Innovative center of cyber security is also open for the Arab countries. It is the first similar organization in group of Gulf States.

However sharp reduction of values of foreign trade of the Sultanate of *Oman* in 2015–2016, especially export (see fig. 1), reduces also possibilities of financial security of structural changes, including in the innovative sphere.

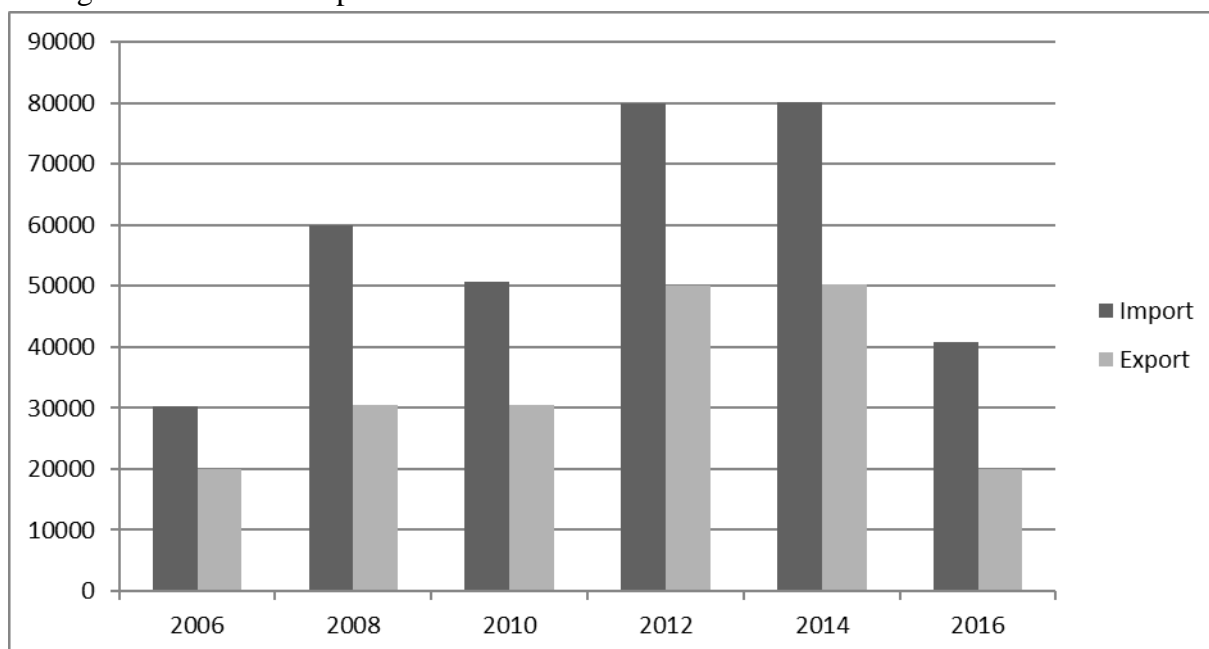

Fig. 1. Dynamics of export and import of *Oman* in 2006–2016, mln dollars.

Source: Compiled by the authors based on data provided the United Nations Conference on Trade and Development (2017).

As some result of innovative development of the countries of GCC it is possible to note that in the report "The Global Innovation Index 2016: Winning with Global Innovation" is noted that the innovative enterprises of Gulf countries "are already connected to the main links of an innovative ecosystem, including the governments, the universities, financial institutions and other companies worldwide. Besides, their influence and financial opportunities are considerable" (The Global Innovation Index, 2016).

The World Economic Forum (WEF) notes that the leading innovative enterprises, including state, private (including family conglomerates) and multinational corporations, can be the main driving force of innovative activity and emphasizes its importance for Gulf countries (The Global Innovation Index, 2016).

Positions of the countries of GCC on an indicator of the global innovative index (GII), according to the WEF playing an important role in assessment of innovative activity of the countries of their GDP level are presented in tab. 2.

Table 2.

Positions of the countries of GCC on the Global Innovative Index (GII) in 2016–2017

Country	2016		2017		Income	Efficiency Ratio	
	Score (0–100)	Rank	Score (0–100)	Rank		2016	2017
UAE	39.35	41	43.24	35	HI	0.44	0.49
Saudi Arabia	37.75	49	36.17	55	HI	0.61	0.53
Qatar	37.47	50	37.90	49	HI	0.56	0.61
Bahrain	35.48	57	34.67	66	HI	0.58	0.56
Kuwait	33.61	67	36.10	56	HI	0.73	0.79
Oman	32.21	73	31.83	77	HI	0.53	0.46

Note: the average world indicator of Efficiency Ratio in 2016 – 0.65, in 2017 – 0.62.

Source: Compiled by the authors based on data provided by The Global Innovation Index, 2016, 2017.

Apparently from the analysis of the submitted data, the countries of GCC took in the world in 2016 places from the 41st to the 73rd that is very modest taking into account financial opportunities of these states. Besides, it is possible to note the multi-vector dynamics observed in 2017 in the countries of the region. A number of the countries – the UAE, Qatar, Kuwait (most in the region) – have improved the positions and indicators; there is a hope that it will cause a salutary cycle of development in the forthcoming years if the tendency remains and will be steady and long-term.

On a number of the making GII some countries show also higher rates.

So, on Innovation Input Sub-Index rankings (which allows to estimate innovative activities for all directions) the UAE in 2017 took the 23rd place in the world that it is possible to recognize as considerable achievement (for reference: Russia on this indicator took in 2017 the 43rd place), Saudi Arabia – the 46th, Qatar – the 48th, etc. On Innovation Output Sub-Index rankings (allowing to provide information on elements which are result of innovative activity in economy) in 2017 Kuwait was in the lead in the region, taking the 45th place in the world in 2016 with an indicator 31.91 (The Global Innovation Index, 2017).

At the same time Saudi Arabia, Bahrain, Oman have appeared on lower positions in the world ranking on the Global Innovation Index, including – in connection with restrictions of financing in connection with the low level of the oil prices proceeding in 2017.

This analysis also allows to say that innovative activity of Gulf countries remains, at least, is 10% lower than her level at the states entering into group of the countries with high income which they treat on GDP indicator.

Besides, one of problems of the innovative sphere of the countries of GCC remains rather low level of development of the human capital, including employment of women with the higher education, gross coefficient of coverage the higher education, export of cultural and creative services, number of the patent applications for useful models submitted by national applicants to patent departments of the countries.

The number of applications in the region, however, increases though it is very differentiated over the countries and in various states has different vectors (see tab. 3).

Table 3.

The international applications according to the procedure of PCT in breakdown on countries of origin in 2015–2016.

Country of origin	2015	2016	2015/2016, %
<i>In total in the world</i>	217 235	233 000	+6.77
including			
Bahrain	5	6	+16.67
UAE	77	81	+4.9
Qatar	19	14	-35.7
Kuwait	3	3	0
Oman	3	7	+57.1
Saudi Arabia	274	296	+7.4
<i>In total in GCC</i>	381	407	6.4

Source: Compiled by the authors based on data provided by World Intellectual Property Report, 2017.

Apparently from the analysis of the submitted data, at all countries, except for Qatar (reduction by 35.7% in a year), indicators have grown, and is considerable. It is possible to note that growth of number of applications left 6.77% in 2016 in the world concerning the 2015th while in GCC it has reached only 6.4% that below world level.

Other innovative indicators also grow in the countries of GCC; however their difficult assessment in GCC as the relevant statistical data either are absent remains a problem, or is doubtful.

Conclusions and relevance

Thus, GCC needs to stimulate innovations and to diversify the economic basis, to reduce its dependence on hydrocarbons and also to provide creation of opportunities in sense of employment and development for a large number of the young citizens. The main directions of this activity – hi-tech production (mechanical engineering in a wide range), construction, IT technologies and also traditional petrochemistry, infrastructure, shipbuilding, logistics. These branches are chosen as catalysts of innovative processes.

The state support – from financing of innovative projects, to their realization on the basis of the state enterprises, before creation and development of a research component in GCC countries remains the main mechanisms of formation of an innovative segment. The research has also shown the growing role of an integration component in innovative development, in particular, many collective projects of the countries of GCC are aimed at the development of innovative economy.

GCC has achieved impressive progress in creation of innovative economy that shows growth of an oil component and high rates of innovative development, according to the international organizations. However, it still lags behind the developed countries, though has reserves of increase in the positions in global rating system, creating favorable conditions for innovative business. In general, GCC has to establish relations which unite all participants of an innovative ecosystem – scientists, representatives of regulators, the multinational companies, national businessmen – in solid whole, to create the target program directed to stimulation of innovations. Establishment of coherent communications is vital for creation of innovative economy.

This process has to be carried out on the basis of purposeful efforts of all participants of innovative process.

References

1. Aidrous I. (2012). Russian-Arab Cooperation: Future Prospects. Emerging economies: development challenges and innovative approach solutions. Dubai. Russian-Emirates Publishing House.
2. Aidrous I. (2015). The international cooperation of Bahrain in the oil and gas sphere and a role of an external factor. Scientific review. Series 1: Economy and Law, 5, pp. 5–15.
3. Al-Mubarak H., Busler M. (2012). Innovation, Entrepreneurship and Technology Commercialization in Developing Countries: A GCC Perspective in an International Context. European Journal of Business and Management, 4(19), pp.141–158.
4. Doraszelski U., Jaumandreu J. (2018). Measuring the Bias of Technological Change. Journal of political economy, 126, No 3, June, pp.1027–1084.
5. Aluminium Bahrain (2017). URL: www.albasmelter.com
6. Economic Prospects and Policy Challenges for the GCC Countries: Annual Meeting of Ministers of Finance and Central Bank Governors (2016). International Monetary Fund. Saudi Arabia: Riyadh.
7. Interview with the His Excellency Dr. Ahmed Al Saati, the Ambassador of the Kingdom of Bahrain to the Russian Federation (2017). Russia and Asia, 1, November, pp. 6–10.
8. Isaev V., Filonik O. (2015). Qatar: three pillars of growth (social and economic sketch). Moscow: Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences.
9. Rusakovich V.I. (2017). Not oil alone. Diversification of national economies in GCC countries. Asia and Africa today, 2, pp. 33–40.
10. Shkvarya L.V., Frolova E.D. (2017). Transformation in socio-economic development of the Gulf Group States. Regional economy, Vol. 13, № 2, pp. 570–578.
11. The Global Innovation Index: Winning with Global Innovation (2016). URL: <http://www.weforum.org/>
12. The Global Innovation Index: Innovation Feeding the World (2017). URL: <https://www.globalinnovationindex.org/>
13. United Nations Conference on Trade and Development, Statistics (2017). URL: <http://unctadstat.unctad.org>.
14. World Intellectual Property Report: Intangible Assets and Global Value Chains (2017). Geneva: WIPO.

СТРАНЫ ССАГПЗ: ИННОВАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКОНОМИКИ

*Шкваря Людмила Васильевна,
Соловьёва Юлиана Владимировна,*

*Российский университет дружбы народов,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6*

Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) добились впечатляющих успехов в создании инновационной экономики, что свидетельствует о росте нефтяной составляющей и высоких темпах инновационного развития, отмечают международные организации. В статье конкретно рассматриваются как новые отрасли и виды деятельности (включая космическую промышленность, машиностроение и возобновляемую энергетику), так и традиционные отрасли экономики стран ССАГПЗ (такие как нефть и газ, нефтехимия, обессоливание воды), развивающиеся на инновационной основе. Авторы анализируют темпы экономического роста стран ССАГПЗ в 2014–2017 гг. В статье показано, каковы цели развития инновационных элементов национальных экономик стран ССАГПЗ, какие направления выбраны в ССАГПЗ в качестве катализаторов инновационных процессов. Как демонстрирует наше исследование, ССАГПЗ необходимо стимулировать инновации и диверсифицировать экономическую базу, снизить ее зависимость от углеводородов, а также обеспечить создание возможностей в смысле занятости и развития для большого числа молодых граждан.

***Ключевые слова:** ССАГПЗ, инновационный сектор, традиционный сектор, диверсификация, экономическое развитие*

***JEL коды:** O400, O530, F150.*

НОВЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТАМИ В РОССИИ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ

Чернобровкина Наталья Игоревна¹

Статья подготовлена при поддержке Гранта РФФИ, проект 19-010-00844\19 «Бренды академического мира в эпоху digital-трансформаций: типология, экономические оценки и соизмерения, капитализация и управление»

В статье предлагается осуществлять изучение новых форм организации и практик управления университетом в современных российских квазирыночных условиях с позиций концепции ресурсной зависимости и неинституционального подхода. Концепция ресурсной зависимости позволяет выявить возможные варианты ресурсных ниш для высших образовательных учреждений, которые обеспечат регулярное поступление средств из частных источников. Ее целесообразно дополнить неинституциональным подходом, акцентирующим внимание на характере взаимодействия образовательной организации и агентов внешней среды, правилах обмена их ресурсами, что позволит предложить адекватную запросу структуру университета. Только совмещение этих подходов обеспечивает адекватное реальям изучение процесса конкуренции университетов, выполняющих одни и те же функции, взаимодействуя с одними и теми же внешними акторами для получения дополнительных финансовых ресурсов.

Ключевые слова: академический мир, новый менеджериализм, предпринимательская модель университета, концепция ресурсной зависимости университетов, неинституциональный подход к образовательной организации.

JEL коды: E65, E66.

С начала XXI в. в России осуществляется реформа системы высшего образования, целью которой является включение университетов в рыночную систему отношений. В этих условиях государство прекращает централизованное финансирование высшего образования и мотивирует это стремлением к повышению самостоятельности университетов, поиску ими новых ниш на рынке образовательных услуг и эффективному расходованию финансовых ресурсов. Такая политика в отношении высших учебных заведений активно осуществляется в США и (с начала 1990-х гг.) в Европе (Цифровые технологии, 2019).

В США она была связана «с развитием массового высшего образования, дальнейшим переходом на всеобщее высшее образование, ростом международной конкуренции в области научных исследований и выходом на глобальный рынок высшего образования» (Павлюткин, 2004). В Европе (например, в Великобритании) финансовый кризис стимулировал переход от

¹ Чернобровкина Наталья Игоревна — кандидат философских наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

«государственного бюрократического управления к системе вузовского самоуправления» (Deem, 1998) и поиску соответствующих новых рыночных форм организации университетов.

При отсутствии государственного финансирования и децентрализации университетов в рыночных условиях они вынуждены конкурировать друг с другом за потребителей образовательных услуг, привлечение ведущих профессоров и средств в области научно-исследовательской деятельности. Частные фонды и бизнес-структуры становятся заказчиками образовательных услуг и новыми источниками финансирования деятельности высших учебных заведений. Кроме того, на базе университетов создаются центры качества с привлечением государственных и независимых организаций, которые участвуют в разработке новых образовательных стандартов и оценивают качество предоставляемых образовательных услуг.

Рыночным условиям соответствует модель предпринимательского университета, ориентированная на получение прибыли за оказываемые образовательные услуги. Для нее характерна новая система организации и управления высшим учебным заведением, по поводу которой в научной литературе разворачиваются дискуссии. Первоначально споры касались идеологии новой формы организации, которая противостояла прежней классической модели университета. На смену свободе и автономии академического сообщества, его ориентации на получение нового знания и поиск истины приходят новые ценности инновационности, коммерческого успеха и эффективности управления. Эти две полярные идеологические позиции закрепились в понятиях «академического профессионализма» и «нового менеджериализма».

«Новый менеджериализм», как идеология, ориентирован на развитие университета как коммерческой организации и активно используется в качестве технологии и практики управления большинством университетов США и Великобритании. Это направление развития высших учебных учреждений формировалось в период реформ, вызванных их переходом к Болонскому процессу как новому способу организации системы образования.

В России заимствование практики «нового менеджериализма» иницировалось «сверху» и обосновывалось экономической эффективностью, достижение которой обеспечивается наличием четкой и ясной технологии и практики контроля деятельности академического сообщества. Теперь ответственность за качество преподавания учебных дисциплин и исследовательскую деятельность несет руководство университета. Оно контролирует выполнение «ежегодных стратегических планов деятельности; несет ответственность за процедуры доказательства качества предоставляемых услуг; определяет уровень заработной платы штатных работников; осуществляет активную деятельность по привлечению внешних ресурсов, взаимодействует с внешними фондами и структурами; развивает сотрудничество с научными, государственными и частными структурами; увеличивает административную активность» (Sotirakou, 2004, p. 5).

Таким образом, в научной литературе закрепляется устойчивая позиция, что «новый менеджериализм» — это наиболее приемлемая форма организации и управления университетом в современных рыночных условиях развития общества. Она противостоит «бюрократическому профессионализму» как неэффективной системе расходования ресурсов в образовательной сфере. Прежняя коллегиальная система управления с ценностями академического профессионализма больше не соответствует рыночной образовательной среде по процедуре, когда решения принимались путем обсуждения и согласования интересов как внутри академического сообщества, так и вовне, с управленческими

структурами. Недостатками прежней системы управления классическим университетом, по мнению экспертов, является отсутствие оперативности в принятии решений по времени и требование полного финансирования государством. Последнее возможно только в условиях бюрократической системы управления, порождающей отчужденность академического сообщества от сферы принятия решений и рационального распределения ресурсов.

Предпринимательская модель университета с соответствующей системой управления топ-менеджеров предполагает постоянный поиск новых источников финансирования. Поэтому «ключевым фактором такой формы менеджмента является понимание и управление рисками» (Kogan, 2007, p. 59). Как показывает практика зарубежных предпринимательских университетов, основной функцией становится планирование и выполнение бюджета образовательного учреждения. Для ее осуществления требуется реструктуризация подразделений университета (как правило, сокращение); закрепление полномочий и обязанностей за их руководителями, принимающих участие и несущих ответственность за распределение финансовых средств; разработка четких критериев оценки эффективности и качества работы преподавателей.

Реакцией на критику новых моделей организации и управления университетами на Западе стало введение понятий «мягкого» и «жесткого» менеджериализма, отражающих противоречивую практику их внедрения. Это стало необходимо для исправления недостатков эффективности «жесткого менеджериализма» и возможностей его корректировки в сфере технологий управления, а также оправдания субъектами управления университетов сохраняющихся финансовых трудностей. Несмотря на идеологическое обоснование необходимости перехода к новой модели управления, включением высших образовательных учреждений в общеевропейское образовательное пространство, актуальным остаётся вопрос, насколько модель предпринимательского университета жизнеспособна и продуктивна. Одни исследователи подчёркивают, что «это не единственный способ управления университетами в новом веке, и без измерения продуктивности и качества работы управленцев, процедур их избрания этот опыт может оказаться бесполезным действием» (Deem, 1998). Другие ученые отмечают, что «концепция «нового менеджериализма» представляет собой скорее одну из составляющих новой идеологии и практики управления в университетах» (Дёмин, 2016). Третьи, на основе «систематизации основных идей концепции «нового менеджериализма», отделяют ее от других (например, концепций «предпринимательского университета» (*the Entrepreneurial University*) и «академического капитализма» (*the Academic Capitalism*))» (Квиек, 2016, с. 15), подвергая критике.

В России переход к рыночной экономике также способствовал переосмыслению деятельности образовательных учреждений. Однако нельзя не учитывать их исторический контекст формирования: организация высших учебных заведений и, соответственно, содержание образовательных программ, инициировались «сверху» государственными чиновниками. В основе организационного и содержательного контроля образовательного процесса, ориентированного на предписанные стандарты, было представление о государстве как главном гаранте общественного блага. В послереволюционный период эта бюрократическая модель университета сохранилась: свобода преподавания по-прежнему ограничивалась идеологически, но доступ различных социальных групп населения к высшему образованию был значительно расширен. Сложившаяся модель бюрократического управления в российском образовании была устойчива по двум причинам — заданные

образовательные стандарты российской науки всегда были высоки и широко финансировались государством.

В российской модели классического университета научно-исследовательская деятельность сочеталась с преподавательской и критериями эффективности образования в естественно-научной сфере были научные открытия и их трансляция студентам, а гуманитарная наука успешно выполняла идеологическую функцию в ходе социализации молодёжи. Но бюрократический способ управления исключал возможность самоорганизации и влияния академического сообщества на принятие решений в сфере образовательной политики. В отличие от российских, западные и американские университеты были ориентированы на принципы коллегиального управления, для чего использовались «механизмы саморегулирования и добровольной консолидации академического сообщества» (Дёмин, 2016), хотя это не исключало влияния управленческих центров на процесс принятия решений в образовательной сфере.

Переход к новым формам организации и практикам управления университетами в квазирыночных российских условиях оказался проблематичным. Игнорирование исторических оснований их развития, с одной стороны, а с другой, — отсутствие функционального рынка образовательных услуг, породили имитативные и неэффективные формы организации высшего образования. Это привело к двойственности и культурной «гибридизации университета, когда в одной организации сосуществуют противоположные культурные образцы, связанные с тем, что порождается ряд ролевых конфликтов различных уровней управления университетом» (Абрамов, Груздев, Терентьев, 2016). Традиционным ценностям об автономии и академической свободе учёного от бюрократического давления противостоят универсальные принципы управления в виде ценностей эффективности и инновационности преподавательской деятельности. Эти полярные системы ценностей определяют различные представления о роли университета в жизнедеятельности общества и его функциях. Все это порождает взаимное недоверие, с одной стороны, к консервативному академическому сообществу, а с другой, — к реформаторам и представителям управленческих структур высшего образования. В результате несоответствия ценностных установок возникает кризис доверия к нормативной системе и структуре управления в академической сфере, качеству преподавания учебных дисциплин.

Сегодня учёными и экспертами предпринимаются попытки избежать культурной гибридизации в сфере образования путем совмещения ценностей общего и частного блага в рамках «нового менеджериализма». Вместо цели максимизации прибыли за счёт ориентации на работодателя как потребителя услуг университета предлагается другая — ориентация на студента как потребителя образовательной услуги — университетского знания. В этом случае система управления «оказывает существенное влияние на ту область принятия решений, которая относится к профессиональному саморегулированию... и оказывается довольно близкой по задачам к коллегиальному управлению профессоров, но предоставляет иные стратегии мотивации» (Дёмин, 2016).

Тогда самоуправление в академическом мире, выполняющее функции саморегуляции и лоббирования, сохраняется. В частности, вершину иерархии академического сообщества занимают профессора, которые выполняли организационные функции, «внутри профессионального сообщества они ответственны за распределение ресурсов для проведения перспективных исследований и за подготовку нового поколения исследователей» (Kogan, 2007, p. 63). Именно они, как эксперты, демонстрируют обществу и органам власти

значимость отрасли знания и необходимость ее преподавания в университете. На этом основании правительство должно доверять самостоятельное регулирование этой отрасли знания академическим экспертам, обеспечивая, тем самым, профессиональную автономию. Администрация университета, с одной стороны, должна учитывать особенности академической деятельности, а другой — прогнозировать и стимулировать создание новых образовательных продуктов.

Таким образом, совмещение ценностей, культурных образцов возможно, по мнению учёных, только при модернизируемой системе коллегиального управления университетом путём предоставления функций саморегуляции и лоббирования академическому сообществу, а прогнозирования и стимулирования новых образовательных продуктов — администрации университета. Подобное разделение функций призвано обеспечить, с одной стороны, академические свободы, большую независимость и разнообразие академического труда научному сообществу, а с другой, — максимизирует прибыль и повысит конкурентоспособность университета в интересах топ-менеджеров. Эта позиция нуждается в критическом осмыслении и поиске оптимальных методологических оснований.

Переосмысление роли университета в современных рыночных условиях и соответствующих им форм организации и практик управления осуществляется с позиций ресурсного подхода. Согласно этому подходу, организационные изменения университетов вызваны необходимостью привлечения ресурсов и поиском новых ресурсных ниш, что предполагает ориентацию на запросы внешних потребителей образовательных услуг. В этих условиях «высшее учебное заведение выступает не только как образовательная институция, но и как хозяйствующий субъект, который аккумулирует материальные средства из различных источников, инвестирует данные средства в собственное развитие и формирует собственную финансовую и инвестиционную политику» (Чарнявска, Генелль, 2017, с. 129).

В европейском контексте концепция ресурсной зависимости является определяющей в силу сформированности ресурсных ниш высших образовательных учреждений, куда регулярно поступают средства из частных источников. Адаптация российских вузов к рыночным условиям происходит медленнее, поскольку такие ресурсные ниши только формируются и являются достаточно традиционными: привлечение студентов, оплачивающих своё образование; открытие программ дополнительного образования, потребителями которого являются те же студенты или преподаватели; реализация научных исследований по грантам, преимущественно финансируемых государственными фондами. Фактически российское высшее образование ресурсно зависит от государства, что блокирует мотивацию университетов искать и привлекать альтернативные источники финансирования. Поэтому они ориентируются на выполнение государственных заказов, в рамках которых осуществляется распределение и контроль необходимых вузу ресурсов. В этих условиях необходима «диверсификация источников финансирования, с одной стороны, обеспечивающая университету большую стабильность: в ситуации изменения правил игры в рамках одной ресурсной ниши университету, который значительно ресурсно зависит от одного источника финансирования, будет сложнее адаптироваться к новой ситуации. С другой стороны, диверсификация предполагает дополнительные затраты, направленные на построение устойчивых связей с агентами новых ресурсных ниш» (Павлюткин, 2007, с. 228).

Следовательно, использование концепция ресурсной зависимости применительно к квазирыночным условиям функционирования российских образовательных учреждений, где ресурсные ниши только формируются, весьма ограничено. Ее целесообразно дополнить

неоинституциональным подходом, акцентирующим внимание на характере взаимодействия образовательной организации и агентами внешней среды, что позволит предложить адекватную запросу структуру университета. Совмещение этих концепций возможно по принципу взаимодополнения, «если в рамках концепции ресурсной зависимости внешняя среда понимается как совокупность ресурсных ниш, в которых происходит обмен значимыми ресурсами, то институциональный подход делает акцент на правилах обмена этими ресурсами» (Павлюткин, 2007, с. 229).

Соответственно, деятельность университета определяется институциональной средой и ее акторами, а также рациональными представлениями субъектов образовательной структуры.

Итак, изучение новых форм организации и практик управления университетом в современных российских квазирыночных условиях целесообразно осуществлять с позиций концепции ресурсной зависимости и неоинституционального подхода. Только это совмещение подходов позволит исследовать процесс конкуренции университетов, выполняющих одни и те же функции, взаимодействуя с одними и теми же внешними акторами для получения дополнительных финансовых ресурсов. Это особенно актуально, когда «сверху» образовательным учреждениям навязываются государственные стандарты, которые обеспечивают высокую степень соответствия организационных форм и способов деятельности.

Список литературы

1. Абрамов Р., Груздев И., Терентьев Е. (2016). Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: международный и российский контексты // Журнальный клуб Интелрос «НЛО». № 138. [Abramov R., Gruzdev I., Terentyev E. (2016). Anxiety and enthusiasm in discourses about the academic world: international and Russian contexts. Intelros Magazine club "UFO". № 138. (In Russian)]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/138-2016/30001>
2. Дёмин М. (2016). Университеты на рынке: Академический капитализм как вызов и как окно возможностей // Журнальный клуб Интелрос «НЛО». № 138. [Demin M. (2016). Universities on the market: Academic capitalism as a challenge and as a window of opportunity. Intelros Magazine club "UFO". No. 138. (In Russian)]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/138-2016/30003>
3. Квиек М. (2015). Реформирование европейских университетов: государство всеобщего благосостояния как недостающий контекст // Вопросы образования. № 2. С. 8–39. [Kviek M. (2015). Reforming European universities: the welfare state as a missing context. Questions of education. No. 2. Pp. 8–39. (In Russian)].
4. Павлюткин И. В. (2007). Ресурсная зависимость и институты: детерминанты вузовского поведения в трех организационных популяциях // Вопросы образования. №3. С. 220–232. [Pavlyutkin I.V. (2007). Resource dependence and institutions: determinants of institutional behavior in three organizational populations. Issues of education. № 3. Pp. 220–232. (In Russian)].
5. Павлюткин И. П. (2004). Управление университетом в условиях новой рыночной ситуации // Вопросы образования. №3. С. 57–65 [Pavlyutkin I.P. (2004). University Management in a new market situation. Questions of education. No. 3. Pp. 57–65 (In Russian)].

6. Цифровые технологии в образовании, науке, территориальном развитии: опыт Франции и России (2019) / Под ред. Пономаренко Е. В. и др. Москва. [Digital technologies in education, science, and territorial development: the experience of France and Russia (2019) / Ed. by Ponomarenko E.V. et al. Moscow. (In Russian)].

7. Чарнявска Б., Генелль К. (2017). В поход за покупками? Университеты на пути к рынку / Экономика университета: институты и организации. Москва: Изд. дом ГУ–ВШЭ. С. 128–158. [Charnyavska B., Genell K. (2017). Going shopping? Universities on the way to the market / University Economics: institutions and organizations. Moscow: Ed. Dom GU–VSHE. Pp. 128–158 (In Russian)].

8. Deem R. (1998). "New managerialism" and higher education: quality and productivity management at UK universities. *International Studies in Sociology of Education*. Vol. 8. № 1. Pp. 47–70.

9. Kogan M. (2007). *The Academic Profession and Its Interface with Management. Key Challenges to the Academic Profession*. Paris; Kassel: UNESCO Forum on Higher Education Research and Knowledge; International Centre for Higher Education Research Kassel.

10. Sotirakou T. (2004). Coping with conflict within the entrepreneurial university: threat or challenge for heads of departments in the UK higher education context. *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 2. No 70. Pp. 1–28.

NEW FORMS OF ORGANIZATION AND MANAGEMENT PRACTICES UNIVERSITIES IN RUSSIA: THE SEARCH FOR OPTIMAL METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

Chernobrovkina Natalya Igorevna,

*Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia*

The article proposes to study new forms of organization and university management practices in modern Russian quasi-market conditions from the standpoint of the concept of resource dependence and a neo-institutional approach. The concept of resource dependence allows us to identify possible options for resource niches for higher educational institutions that will ensure the regular flow of funds from private sources. It is advisable to supplement it with a neoinstitutional approach that focuses on the nature of the interaction between the educational organization and environmental agents, the rules for exchanging their resources, which will allow us to offer an adequate university structure to the request. Only a combination of these approaches provides an adequate study of the competition process of universities that perform the same functions, interacting with the same external actors to obtain additional financial resources.

Keywords: *academic world, new managerialism, entrepreneurial model of the university, the concept of resource dependence of universities, neo-institutional approach to educational organization.*

JEL codes: *E65, E66.*

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ / WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL
ECONOMIC RELATIONS**

**О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВИТИЯ РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА
(РЫБОЛОВСТВА И АКВАКУЛЬТУРЫ) В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АЗИИ**

Родионова Ирина Александровна¹

Автором исследованы региональные аспекты продовольственной проблемы для стран Азии в динамике, а также отмечено то обстоятельство, что, помимо недоедания в группе менее развитых стран, наблюдается дефицит микроэлементов и переедание в более состоятельных государствах. В решении задачи обеспечения продовольственной безопасности значительную роль может сыграть более широкое использование продуктов рыболовства и развитие аквакультуры. В этой связи в статье представлены тенденции развития мирового рыбного хозяйства в 2008–2017 гг. В данной работе используются статистические данные о развитии рыболовства и потреблении продовольствия, опубликованные Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций (ФАО).

Ключевые слова: *Азия, рыболовство, аквакультура, продовольственная безопасность, голод и недоедание.*

JEL коды: *F1, F29.*

Введение

Одной из важнейших задач устойчивого развития человечества до 2030 г. остается обеспечение продовольственной безопасности как одной из важнейших глобальных проблем человечества (ICTSD, 2015). Эту проблему на протяжении длительного времени исследует множество ученых в различных странах, но сложность, динамичность, многогранность и неоднозначность ее таковы, что до настоящего времени нет единого определения экономической категории «продовольственная безопасность».

Дефицит продуктов питания ощущался всегда, во все времена истории человечества. Всегда люди боролись с природой и друг с другом «за хлеб насущный». Люди пытались выжить при разных природных катаклизмах и стихийных бедствиях (засухи, наводнения и др.), в разных климатических и экономических условиях. Проблема осталась и в настоящее время, когда быстро развивается экономика, транспорт, международная торговля (в том числе торговля продукцией сельского хозяйства и готовыми видами продовольствия). Напомним, что современная мировая продовольственная ситуация является особенно трагичной. Известно, что голод остается основной причиной смерти миллионов людей на планете. Согласно оценкам экспертов ООН, в мире голодает и недоедает около 1 млрд

¹ *Родионова Ирина Александровна* — доктор географических наук, профессор, эксперт РФФИ, заместитель директора ООО «Созвездия Плюс», Москва, 115419 ул. Шаболовка, д.34 стр.7.

человек. Есть много бедных и даже беднейших стран в Азии, Африке и Южной Америке. Но ведь мы знаем и об огромных объемах выращенных сельхозкультур, масштабах производства продуктов питания, накопленных запасах продовольствия в мире. Их хватило бы для удовлетворения продовольственных потребностей всего 7,76-миллиардного населения планеты. Но ситуация противоречива. Когда население одних государств голодает, в других странах мира часть населения борется с излишками пищевых продуктов или с переизбытком (ожирением). Огромные ресурсы тратятся на разработку диет, на то, чтобы создать теорию о гармоничном рационе питания. Иными словами, это и есть глобальная продовольственная проблема, которая напрямую связана с проблемой социально-экономической отсталости большого числа стран и проблемой социального неравенства, а также с проблемой войны и мира (Родионова, 2019).

Ученые предлагали различные методы решения этой проблемы, возникшей, как вероятно, вместе с человечеством, порой диаметрально противоположные — от Т.-Р. Мальтуса (1895), полагавшего, что основной проблемой в обеспечении продовольственной безопасности является чрезмерный рост народонаселения, до современных подходов, изучающих возможности комплексного решения этой проблемы, в том числе по отдельным регионам мира (Глищева, 2018; Дерюгина, 2019).

Многие международные, межгосударственные официальные и общественные организации, в том числе учреждения ООН (ФАО и др.), крупнейшие мировые банки, включая World Bank, региональные банки развития, специальный фонд ОПЕК и др., пытаются внести посильную и очень солидную лепту в решение или ослабление глобальной продовольственной проблемы, финансируют разного рода проекты по развитию сельского хозяйства в развивающихся странах («зеленая революция» и др.), а также оказывают продовольственную помощь бедным и беднейшим государствам. Многочисленные государства также помогают другим странам в случае природных катаклизмов или в период военных действий, оказывая помощь продовольствием и медикаментами.

Для многих стран Азии задача обеспечения продовольственной безопасности существенно актуализируется в связи с тем, что в этой части мира проживает практически 60% населения Земли, и одновременно с этим располагается большое количество стран, относимых ООН к группе наименее развитых. Скорость прироста населения Азии к 2020 году оценивается в 136 тыс. человек в день, и на конец 2019 г., население Азии составляло 4,6 млрд человек (Population, 2020). Проблемы питания и снабжения продовольствием огромной по численности доли населения развивающихся стран выступают как тормоз экономического прогресса. Они же в большинстве случаев могут рассматриваться и как источник социальной и политической нестабильности в этих государствах. А так как этих стран много, то проблема является уже глобальной.

Известно, что у современной науки есть возможности, чтобы увеличить производство продукции сельского хозяйства и продовольствия в мире. Можно с помощью применения минеральных удобрений, орошения повысить плодородие почв. Рекомендуются шире использовать биологические ресурсы рек, морей и Мирового океана. Люди научились использовать солнечную энергию. Внедряются достижения генетики и селекции с целью повышения урожайности и улучшения сортов сельскохозяйственных культур. Выводятся более продуктивные породы животных. За счет разных инноваций растет ассортимент продовольственных товаров. Учеными разрабатываются более качественная и безопасная для здоровья населения продукция. Для обработки сельскохозяйственного сырья при

производстве продуктов питания разрабатываются серьезные инструкции и проч. Но, не следует забывать и другие аспекты проблемы. Известно, что в погоне за прибылями, за ростом объемов производства продуктов питания и сельхозпродукции, нерадивые и нечестные предприниматели нарушают общечеловеческие законы, и травят собственное население (а через мировые торговые сети и население других стран) некачественными и просто опасными для здоровья населения товарами.

Но вернемся к вопросам решения глобальных проблем человечества. Одним из путей обеспечения продовольственной безопасности можно считать развитие рыболовства и аквакультуры² — как на мировом, так и региональном и страновом уровнях, так как потребление рыбы и морепродуктов остается одним из важнейших элементов мирового продовольственного рынка. В составе отраслей сельского хозяйства выделим рыбное хозяйство. В него входит рыболовство и добыча других биоресурсов моря (или рыбоводство). Всем известно, что рыба и другие морепродукты должны быть включены в рацион питания и должны играть при этом важную роль доставки разных витаминов, микроэлементов в организм человека. Миллионы людей планеты занимаются выловом рыбы и морепродуктов. Это их основная работа и источник существования. Миллионы людей на планете заняты перевозкой, переработкой этого вида продукции. А если вспомнить о внутристрановой и международной торговле продуктами лова... Получается очень важная роль рыбного хозяйства на глобальном уровне.

В последние десятилетия сформировалась особая мировая тенденция. Растет производство аквакультуры по сравнению с объемами рыболовства. Согласно оценкам ФАО, доля продукции аквакультуры составит около 2/3 от общего объема потребления рыбной продукции к 2020 г. А лишь 20 лет назад аквакультура была на уровне только 1/4 от потребления продукции, которую дают реки, моря и океаны (Обзор рынка аквакультуры, 2019).

Исследование 2015 г., опубликованное в журнале Food Security, показало, что связанная с рыбой и другими продуктами моря деятельность (рыболовство и аквакультура, а также переработка и торговля) вносит существенный вклад в доходы и, следовательно, в косвенную продовольственную безопасность более чем 10% населения мира, главным образом в бедных и беднейших странах. Рыба обеспечивает питание более чем 4,5 миллиарда человек, по крайней мере, 15% от их среднедушевого потребления животного белка (Béné et al., 2015).

Океаны и моря составляют более 70% поверхности Земли, и живые водные ресурсы могут внести значительный вклад в производство продуктов питания. Для стран Азии (как и для человечества в целом) важно оптимизировать выгоды от использования океанов, морей и внутренних вод, что включает в себя оптимизацию устойчивого вклада рыболовства и аквакультуры в продовольственную безопасность, стимулирование инноваций с помощью «голубых» биотехнологий и содействие морским исследованиям в целях использования потенциала Мирового океана, морей и прибрежных территорий для обеспечения рабочих мест и социально-экономического роста.

² Аквакультура — это разведение и выращивание водных организмов (рыб, ракообразных, моллюсков, водорослей и проч.) в естественных и искусственных водоемах, а также на специально созданных морских плантациях.

Методология и краткий обзор источников

Рыба критически важна для продовольственной безопасности и хорошего питания (Allison 2011; Thilsted 2012; Beveridge et al. 2013). Рыба и другие продукты моря богаты белком и содержат много необходимых микроэлементов. Сектор рыболовства и аквакультуры остается источником дохода для миллионов женщин и мужчин из малообеспеченных семей с точки зрения занятости населения в этой отрасли (Béné 2006), что прямо или косвенно способствует их продовольственной безопасности (Béné et al. 2007; Allison 2011; World Bank / FAO / WorldFish, 2012).

В ряде работ исследователям удалось представить весьма исчерпывающие аргументы в пользу того, что рыба является центральным элементом дискуссии по продовольственной безопасности (Prein and Ahmed 2000; Roos et al. 2003; 2007; Kawarazuka and Béné 2011; Beveridge et al. 2013, Пирожник, 2019).

Тем не менее, потенциальный вклад рыбы и морепродуктов в продовольственную безопасность и питание освещен в настоящее время (в том числе на региональном уровне) явно недостаточно — как в научной литературе, так и в стратегиях развития — государственных и международных. Главным образом, исследованиями в этой сфере занимаются специалисты соответствующих международных организаций (достаточно неширокий круг авторов). В то же время проблема представляется глобальной и требует, на наш взгляд, более фундаментальной научной проработки.

В данной статье предпринята попытка с научной точки зрения проанализировать состояние продовольственной безопасности в мире и в отдельных регионах Азии. Цель данной статьи состоит в том, чтобы обосновать роль рыбного хозяйства (рыболовство и добыча других биоресурсов моря) в решении продовольственной проблемы в мире и в Азии, в частности.

Для проведения качественного анализа была использована статистика международных организаций, прежде всего ФАО, а также Всемирного комитета по продовольственной безопасности — The World Committee on Food Security (CFS).

Результаты исследования

В соответствии с оценкой Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), более 820 млн человек во всем мире (около 11% населения Земли) страдают от голода и недоедания. Ликвидация голода и всех форм недоедания к 2030 г. остается важнейшей задачей человечества (The State of Food Security and Nutrition in the World, 2019). Голод и недоедание — самые разрушительные проблемы мира, неразрывно связанные с бедностью и проблемой социально-экономической отсталости многих государств мира (и региона Азия).

Как отмечает ФАО, число людей, которые страдают от недоедания, растет во всем мире с 2015 г., и вновь приближается к уровню, наблюдавшемуся в 2010–2011 гг. (рис. 1).

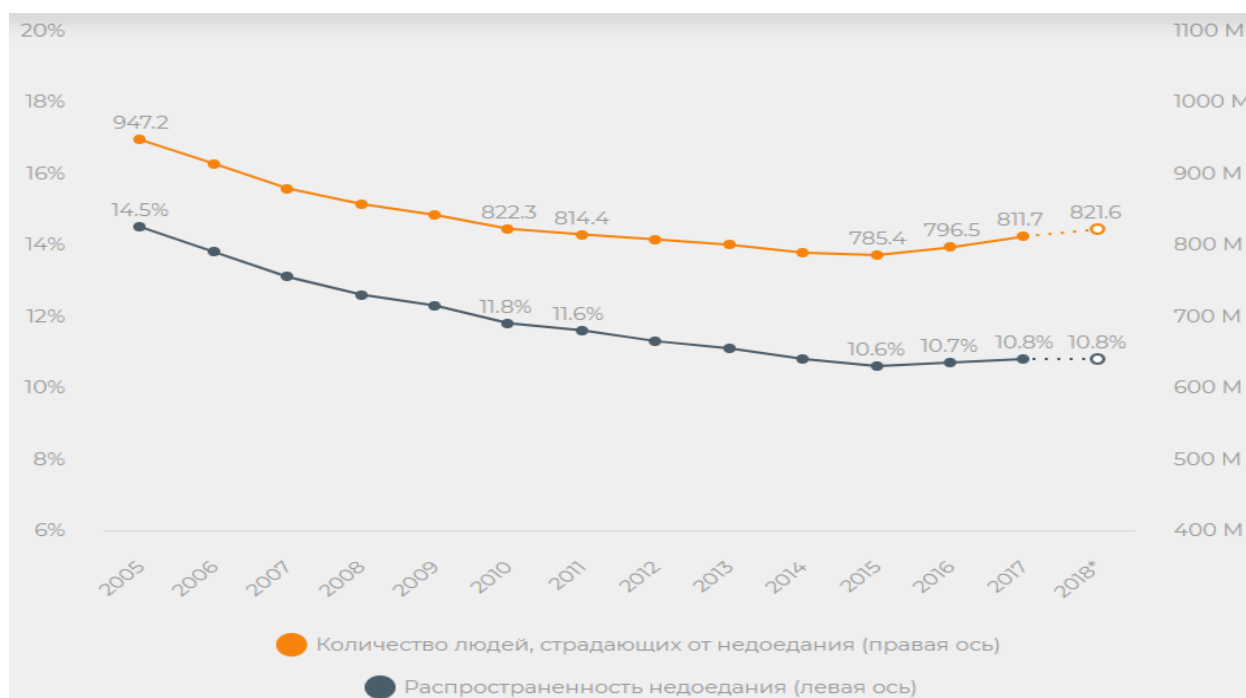

Рис. 1. Распространение недоедания (%) и голодания (млн чел.) в мире в 2005–2018 гг.
Источник: The State of Food Security and Nutrition in the World, 2019.

Значительное количество населения Земли, страдающего от голода и недоедания, проживает в странах Азиатского региона, особенно в Южной и, отчасти, в Западной Азии (табл. 1). Анализ имеющихся статистических данных позволяет отметить, что в целом в Азии распространение недоедания неуклонно понижается в большинстве регионов, и достигло 11,3% в 2018 г. В то же время в 2018 г. на Африку и Азию приходится наибольшая доля всех форм недоедания, а также негативных последствий для здоровья населения, включая то обстоятельство, что в Азии проживает более 9/10 всех недоразвитых детей и почти 3/4 всех детей с избыточным весом, а также фиксируется более 9/10 всех потерянных детей.

В то же время показатели обеспечения продовольственной безопасности в Азии весьма дифференцированы по странам и по макрорегионам. Так, наиболее высокий уровень распространенности недоедания (РН) имеет место в Южной Азии (где, собственно, и располагаются беднейшие и наиболее густонаселенные страны), хотя показатель этот существенно снизился за рассматриваемый период, и особенно с 2012 г. Но уровень РН в Западной Азии лишь незначительно уступает таковому в Южной Азии, которая, несмотря на значительный прогресс, достигнутый за последние 5 лет, по-прежнему является субрегионом, где уровень недоедания самый высокий — почти 13% (табл. 1, рис. 2).

Таблица 1.

Распространенность недоедания (РН) по основным макрорегионам мира, 2005–2018 гг., %

	2005	2010	2015	2016	2017	2018
МИР	14,5	11,8	10,6	10,7	10,8	10,8
АФРИКА	21,2	19,1	18,3	19,2	19,8	19,9
Северная Африка	6,2	5,0	86,9	7,0	7,0	7,1
Африка к югу от Сахары	24,3	21,7	20,9	22,0	22,7	22,8
Восточная Африка	34,3	31,2	29,9	31,0	30,8	30,8
Средняя Африка	32,4	27,8	24,7	25,9	26,4	26,5
Юг Африки	6,5	7,1	7,8	8,5	8,3	8,0

<i>Западная Африка</i>	12,3	10,4	11,4	12,4	14,4	14,7
АЗИЯ	17,4	13,6	11,7	11,5	11,4	11,3
<i>Центральная Азия</i>	11,1	7,3	5,5	5,5	5,7	5,7
<i>Восточная Азия</i>	14,1	11,2	8,4	8,4	8,4	8,3
<i>Юго-Восточная Азия</i>	18,5	12,7	9,8	9,6	9,4	9,2
<i>Южная Азия</i>	21,5	17,2	15,7	15,1	14,8	14,7
<i>Западная Азия</i>	9,4	8,6	11,2	11,6	12,2	12,8
<i>Западная Азия и Северная Африка</i>	8,0	7,1	9,2	9,5	9,8	9,9
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И КАРИБСКИЙ БАССЕЙН	9,1	6,8	6,2	6,3	6,5	6,5
<i>Карибский бассейн</i>	23,3	19,8	18,3	18,0	18,0	18,4
<i>Латинская Америка</i>	8,1	5,9	5,3	5,5	5,7	5,7
<i>Центральная Америка</i>	8,4	7,2	6,3	6,1	6,1	6,1
ОКЕАНИЯ	1,8	1,9	2,3	2,4	2,5	2,6
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА И ЕВРОПА	< 2,5	< 2,5	< 2,5	< 2,5	< 2,5	< 2,5

Источник: FAO, 2019.

При этом рост масштабов голода и недоедания в Западной Азии имеет место, главным образом, в связи с региональными военными и политическими конфликтами в отдельных странах и общерегиональной напряженностью, связанной с этими конфликтами — перемещением беженцев, сокращением производства — как в целом, так и в продовольственном секторе, разрушением и даже гибелью производственной базы, — и вызванным этим обстоятельством обострением проблемы продовольственной безопасности (рис. 3).

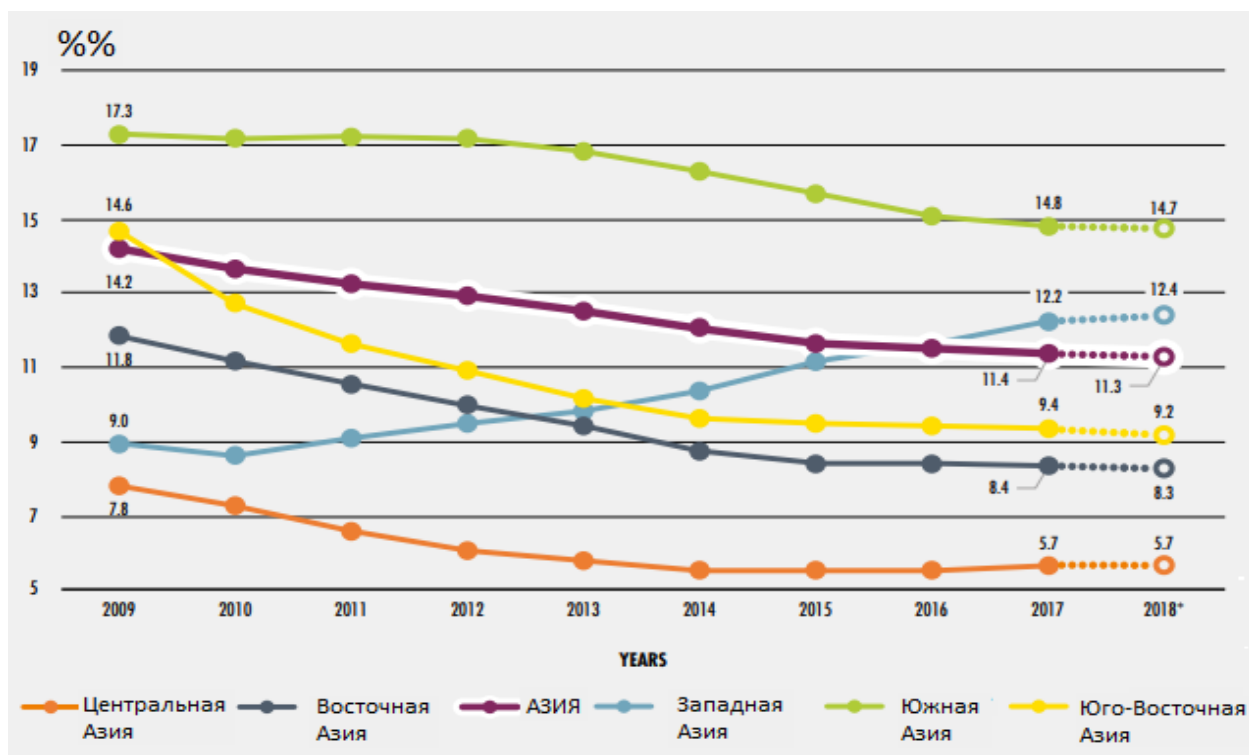

Рис. 2. Уровень недоедания в субрегионах Азии в 2010–2018 гг., %
Источник: FAO, 2019.

Это касается, прежде всего, таких стран, как Йемен, а также Сирия, где, вследствие военных действий, резко сократилось производство всех видов продукции (в том числе продовольствия) и ВВП в целом (Русакович, Кухтин, 2019; Interview, 2019).

Кроме того, имеет место рост стоимости продовольственных и сырьевых товаров на мировом рынке, что также ухудшает ситуацию с продовольственной безопасностью, особенно для развивающихся стран.

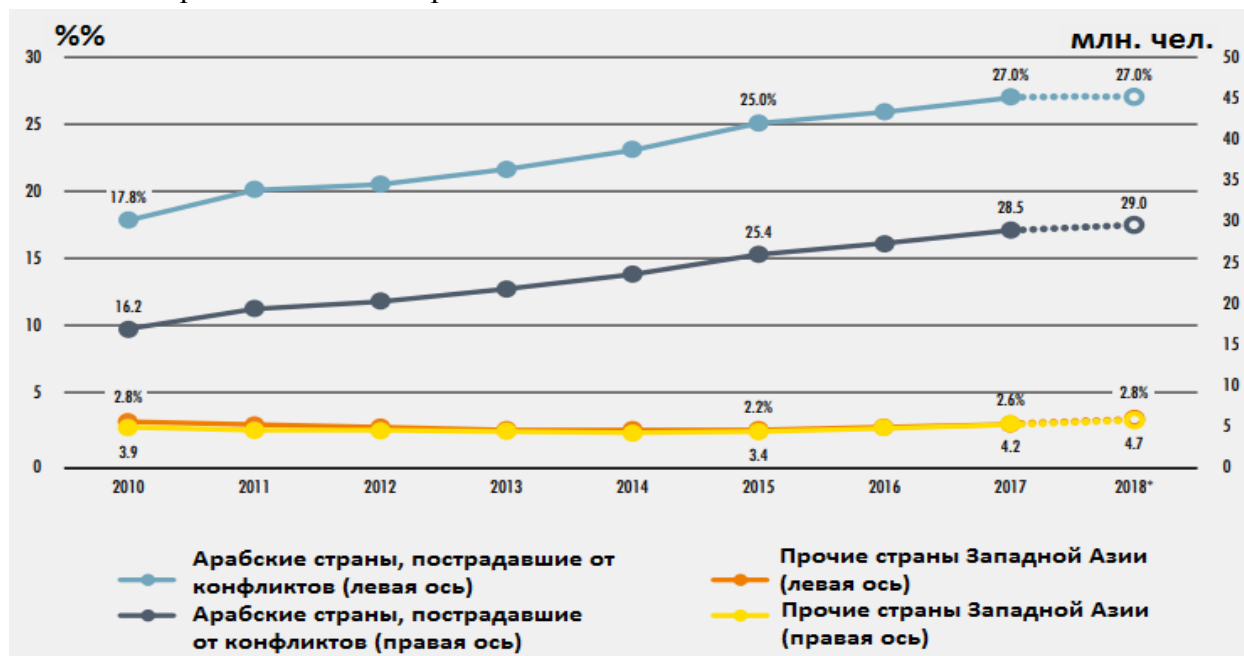

Рис. 3. Динамика распространения недоедания в странах Западной Азии, затронутых и незатронутых военными и политическими конфликтами в недавнем прошлом (2010–2018 годы), % и млн человек.

Источник: FAO, 2019.

Значительные возможности решения задачи обеспечения продовольственной безопасности дают ресурсы Мирового Океана — как в качественном, так и в количественном аспектах. Если рассмотреть первый источник, то следует отметить, что ресурсы Мирового океана (рыба и аквакультура) обеспечивают потребителей качественным питанием в смысле получения необходимых человеку белка и микроэлементов для сбалансированного питания и предупреждения целого ряда болезней.

Специалисты по питанию традиционно уделяют больше внимания макроэлементам, которые обеспечивают энергию и белок. В настоящее время в здравоохранении широко признается важнейшая роль микроэлементов (витаминов и минералов) в развитии человека. В настоящее время сотни миллионов людей страдают от дефицита микроэлементов, особенно женщин и детей в развивающихся странах. Согласно докладом ООН, более 250 млн детей во всем мире подвергаются риску дефицита витамина А. Около 200 млн человек страдают от заболеваний щитовидной железы, у более чем 20 млн выявлено психическое расстройство в результате дефицита йода. Почти 2 млрд человек (почти 25% населения мира) имеют дефицит железа в организме, а 800 тыс. детских смертей в год, вызванных нехваткой цинка.

Одновременно проблемой современного общества остается рост ожирения населения. В период 1980–2018 гг. доля людей, страдающих ожирением в мире, выросла более чем в 2 раза. Так, например, в 2014 г. ожирение наблюдалось у более чем 600 млн человек (около

13% взрослого населения планеты). Как правило, распространенность ожирения среди женщин (15%) выше, чем среди мужчин (11%). Данные для разных регионов сильно различаются. Наиболее серьезная проблема отмечается в Северной Америке, Европе и Океании, где 28% взрослого населения страдают ожирением, тогда как в Азии этот показатель ниже — 7%, а в Африке — 11%. В Латинской Америке и Карибском бассейне около четверти взрослого населения тоже страдает от ожирения (The State of Food Security..., 2017, с. 8–12).

Ресурсы Мирового океана, помимо качественных аспектов, обеспечивают доступность этого вида продовольствия. Прогресс на транспорте, усовершенствование процесса переработки рыбы и других морепродуктов позволили увеличить потребление белков морского происхождения во всех странах мира. Напомним о процедуре быстрой заморозки рыбы и других даров моря (это ракообразные и животные, имеющие раковину или панцирь — устрицы, крабы и др.). В морях и океанах ловят в промышленных масштабах рыбу и различные организмы. Но сельдь, треска, морская щука, «красная» рыба, скумбрия и близкие к ним виды — это основная часть вылова рыбы.

В настоящее время мировое рыболовство и аквакультура оцениваются в объеме свыше 170 млн т (2016 г.). Непосредственно на рыболовство приходится свыше 90 млн т уловов (в т. ч. 12 млн т пресноводное во внутренних водоемах и 80 млн т — морское). Мировая аквакультура — соответственно находится на уровне 80 млн т (получают свыше 50 млн т из внутренних водоемов и около 30 млн т дает морская аквакультура, 2019 г.) (Пирожник, 2019).

К сожалению, стоит подчеркнуть, что создалась иллюзия неисчерпаемости рыбных запасов. Ведь вылов рыбы и морепродуктов рос непрерывно. Но, уже в 1970-е гг. ученые обратили внимание и стали предупреждать о чрезмерной нагрузке на ресурсную базу морей и океанов. При этом сократился улов многих видов ценных пород рыб. Есть несколько вариантов объяснения данной ситуации. Может быть, происходит это в результате действия природных сил (изменение климатических условий). А может, это напрямую связано с чрезмерной эксплуатацией ресурсов Мирового океана, а также с загрязнением окружающей среды. Возможно, что обе эти причины накладываются одна на другую.

Почти 90% общего объема вылова морепродуктов предназначена непосредственно для употребления в пищу людьми. Но менее ценные виды рыб и отходы их переработки идут на корм свиней и птицы (рыбная мука, питательные добавки, рыбий жир и др.). Используется все это также в аквакультуре — при искусственном разведении рыб высокоценных пород в прудах, озерах и т. д.

К 2030 г., как ожидается, вылов морепродуктов в целом превысит 200 млн тонн. При этом в 2017 г. объем мирового экспорта рыбы составил в денежном выражении 152 млрд долл. США, причем 54% экспорта пришлось на долю развивающихся стран (FAO, 2018). Ресурсы Мирового океана оценить сложно. Эксперты дают следующую оценку потенциальных биологических ресурсов Мирового океана — от 80 до 240 млн тонн морепродуктов в год. Сырьевая база мировых уловов рыбы оценивается в 140–150 млн тонн в год (Пирожник, 2010, с. 296). Иными словами, ресурсы далеко не безграничны. А население планеты растет и, в первую очередь, за счет рождаемости в бедных и беднейших странах.

Как было показано выше, мировое рыболовство и рыбоводство играют важную роль в обеспечении продовольственной безопасности. При этом значительная часть глобальной

продукции сектора рыбного хозяйства производится в Китае и ряде других стран Азии — Индонезии, Индии, Вьетнаме, Филиппинах Японии, Бангладеш и др. при значительном росте роли данной отрасли в этих странах. В то же время в ряде регионов (Северная Америка, Европа) был отмечен спад или стагнация в сфере производства аквакультуры в период 2008–2017 гг. Как видно из анализа представленных данных, Китай, Индия и Индонезия лидируют в мире по производству продукции аквакультуры (табл. 2).

Таблица 2.

Производство аквакультуры (без водных растений) в отдельных странах мира
в 2008–2017 гг., млн тонн

Страны	Годы						Темпы роста (2017 к 2008 г.), %
	2008	2010	2012	2014	2016	2017	
Китай	32,730	35,513	38,136	42,297	45,816	46,824	143,1
Индия	3,851	3,786	4,209	4,890	5,700	6,180	160,5
Индонезия	1,690	2,305	3,068	4,254	4,901	6,150	363,9
Вьетнам	2,462	2,683	3,085	3,340	3,570	3,821	155,2
Бангладеш	1,005	1,308	1,726	1,957	2,204	2,333	232,1
Египет	0,694	0,920	1,018	1,137	1,371	1,452	209,2
Норвегия	0,848	1,020	1,321	1,332	1,326	1,308	154,2
Чили	0,843	0,701	1,071	1,215	1,035	1,203	142,7
Мьянма	0,675	0,851	0,885	0,962	1,018	1,049	155,4
Таиланд	1,331	1,286	1,272	0,898	0,881	0,890	66,9
Филиппины	0,741	0,745	0,791	0,788	0,796	0,822	110,9
Япония	0,730	0,718	0,633	0,648	0,677	0,615	84,2
Бразилия	0,331	0,411	0,480	0,563	0,590	0,595	179,8
Республика Корея	0,474	0,476	0,487	0,480	0,508	0,545	115,0
Эквадор	0,173	0,272	0,322	0,368	0,451	0,464	268,2
США	0,501	0,497	0,420	0,421	0,445	0,440	87,8
Иран	0,155	0,220	0,296	0,320	0,398	0,413	266,4
Испания	0,250	0,252	0,264	0,282	0,284	0,311	124,4
Канада	0,155	0,162	0,185	0,140	0,201	0,192	123,9
Россия	0,115	0,120	0,145	0,161	0,173	0,185	160,9
Прочие страны	3,161	3,497	3,662	4,048	4,081	4,342	137,4
МИР	52,915	57,743	63,476	70,501	76,426	80,134	151,4

Источник: FAO (2018).

При этом уровень производства в этих странах растет быстрыми темпами (особенно в Индонезии и Бангладеш). Хотя объемы вылова рыбы в Китае превышают данные Индии более чем в 7 раз.

Таким образом, страны Азии составляют лидирующую группу среди мировых производителей аквакультуры. Кроме того, по данным FAO, именно страны азиатского региона потребляют 2/3 выловленной в мире рыбы. При этом три мировых лидера по пресноводной добыче рыбных ресурсов — это тоже азиатские страны с очень большой численностью населения — Китай, Индия и Бангладеш.

Рассматривая вопросы продовольственной безопасности, мы должны, прежде всего, признать, что рыбопромышленные секторы и связанные с ними производственно-сбытовые

цепочки были удивительно динамичными в последние 3 десятилетия («голубая революция»). Управление использованием ресурсов Мирового океана для решения продовольственной проблемы в мире и в странах Азии в большей степени должно основываться на концепции «голубого роста», основанной на устойчивом использовании природных ресурсов Мирового океана при обеспечении экономических и социальных целей. Такой подход означает поддержку экономического роста и развития, при обеспечении, что природные активы продолжают поставлять ресурсы и экологические услуги, на которых основано процветание. ФАО в программных документах заявляет, что здоровая экосистема океанов является необходимым условием для «голубого роста». Его основная цель — «защита или восстановление потенциала Мирового океана, лагуны и внутренних вод путем введения ответственных и устойчивых подходов для согласования экономического роста и продовольственной безопасности с сохранением ресурсов водной среды» (Eikeseta et al., 2018, pp. 177–178).

Многие страны мира занимаются ловом рыбы и морепродуктов в пределах 200-мильной морской зоны. При этом используются небольшие и средние рыболовные суда. Но никогда не прекращалось строительство крупных океанских рыбопромысловых судов (траулера). Ими добываются огромные масштабы рыбной продукции (обрабатывается по 300–500 т продукции в сутки). Они являются «рыбными фабриками», плавучими промысловыми предприятиями. Там занимаются первичной обработкой даров моря (включая мойку, разделку, заморозку). И портовые города по всему миру принимают данную продукцию и перерабатывают ее на рыбзаводах. Значит море — кормит в прямом и переносном смысле. Дает продукты питания и является местом приложения труда многочисленного населения планеты.

Рост потребления морепродуктов объясняется, прежде всего, развитием рыбоводства, в том числе с помощью искусственного разведения рыбы и морепродуктов. Как уже было отмечено выше, в рыбоводческом секторе получение продукции может превысить по объему ее добычу естественным путем (рыболовство). Отметим, что в мире растет доля искусственного разведения рыб (в пресной и морской воде). Иначе говоря, с помощью научно-технических достижений в области биотехнологий и аквакультуры увеличивается сырьевая база рыбного хозяйства и рыбной промышленности (Родионова, 2019).

Лидером этого направления является Китай. Аквакультура важна и Индии, и в странах Юго-Восточной Азии. Так, по информации Министерства сельского хозяйства КНР в 2018 г. было потрачено 200 млн юаней (29,6 млн долл. или 25,8 млн евро) на развитие глубоководной аквакультуры в восьми провинциях страны. Программа субсидирования морских аквакультурных хозяйств признана экономически эффективной и важной. В условиях сокращения Китаем своего прибрежного рыболовного флота и введения длительных запретов на промысел в прибрежных районах, морская аквакультура, особенно глубоководная, является важной и для создания новых рабочих мест. Согласно данным Министерства сельского хозяйства КНР, морская аквакультура уже приносит ощутимую экономическую выгоду, учитывая доходы от туризма (организация коммерческой рыбалки на морских аквафермах) (Обзор российского и мирового рынка рыбы, 2019).

Отметим, что аквакультура в удовлетворении потребностей местного населения в разных странах Азии играет различную роль. Чаще культивируются в большинстве развивающихся стран недорогие породы рыб и морепродуктов. Все определяет рынок, а также традиции питания населения.

Заключение

Исследование показывает, что в последние годы в странах Азии происходит обострение продовольственной проблемы, связанное (в том числе) с быстрым ростом населения. Растут и проблемы продовольственной безопасности. Но ситуация различается в региональном контексте. И поскольку возможности сельскохозяйственной сферы на суше более ограничены, чем возможности развития аквакультуры и рыболовства, то представляется, что дальнейшее развитие этого направления хозяйственной деятельности может оказать чрезвычайное важное положительное влияние на улучшение продовольственной безопасности в регионе.

Но ученые предупреждают о том, что запасы Мирового океана зависят в том числе и от бережного отношения к природе и ее ресурсной базе. Необходимо следить за размерами промысла рыбы и морских даров. Положительная тенденция, что имеется возможность прирост добычи водных биологических ресурсов увеличить за счет продукции аквакультуры.

По мнению ученых, уровень ожидаемой продолжительности жизни напрямую связан со структурой питания и с высокой долей потребления рыбной продукции. Увеличение потребления даров моря связано, прежде всего, с их высокими пищевыми и лечебными свойствами, а также с их экологической чистотой.

Список литературы

1. Мальтус Т. Р. (1895). Опыт закона о народонаселении / Перевод И. А. Вернера. Москва: Издание К. Т. Солдатенкова. [Malthus T. R. (1895). Experience of the law on population / Translation by I.A. Werner. Moscow: Edition of K.T. Soldatenkov (In Russian)].
2. Галищева Н. В. (2018). Продовольственная безопасность в Южной Азии: основные проблемы и пути решения // Вестник МГИМО Университета. № 1 (58). С. 148–168. [Galishcheva N.V. (2018). Food security in South Asia: main problems and solutions. Bulletin of MGIMO University. No. 1 (58). Pp. 148–168. (In Russian)].
3. Дерюгина И. В. (2019). Продовольственная безопасность в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Т. 1. № 2 (43). С. 82–93. [Deryugina I.V. (2019). food security in the countries of South-East Asia. South-East Asia: actual problems of development. Vol. 1. No. 2 (43). Pp. 82–93 (In Russian)].
4. Обзор российского и мирового рынка рыбы на 25.01.2019 [Overview of the Russian and world fish market on 25.01.2019 (In Russian)]. URL: <http://www.kaicc.ru/sites/default/files/1/%D0%9E%D0%91%D0%97%D0%9E%D0%A0%20%D0%A0%D0%AB%D0%9D%D0%9A%D0%90%20%D0%A0%D0%AB%D0%91%D0%AB%20%D0%9D%D0%90%2025.01.2019.pdf>
5. Обзор рынка аквакультуры государств-членов Евразийского экономического союза (2019). Москва [Overview of the aquaculture market of the member States of the Eurasian economic Union (2019). Moscow. (In Russian)].
6. Пирожник И. И. (2010). Структурные и географические сдвиги в мировом рыболовстве в эпоху глобализации / В сб. География мирового развития. Москва: Товарищество научных изданий КМК. С. 296–311. [Pirozhnik I.I. (2010). Structural and geographical shifts in world fisheries in the era of globalization. The geography of world development. Moscow: Partnership of scientific publications of KMK. Pp. 296–311 (In Russian)].

7. Пирожник И. (2019). Układ przestrzenny rybołówstwa na świecie i zapewnienie bezpieczeństwa żywnościowego krajów Europy [Pirozhnik I. (2019). The spatial fishing system of the world and ensuring food safety for European countries. *Acta Geographica Silesiana*, 13/2 (34). WNoZ UŚ, Sosnowiec, pp. 111–128 (In Polish)]. URL: http://www.ags.wnoz.us.edu.pl/download/wydawnictwa/ags/ags_34_9.pdf
8. Родионова И. А. (2019). Экономическая и социальная география мира. Ч. 1. М.: Юрайт. [Rodionova I.A. (2019). *Economic and social geography of the world. Part 1*. Moscow: Yurayt (In Russian)].
9. Русакович В. И., Кухтин Г. В. (2019). Сирия: экономика, социальная сфера, перспективы развития // Россия и Азия. № 2 (7). С.9–21. [Rusakovich V.I., Kukhtin G.V. (2019). *Syria: economy, social sphere, development prospects*. *Russia and Asia*. No 2(7). Pp.9–21. (In Russian)].
10. Allison E.H. (2011). *Aquaculture, fisheries, poverty and food security*. Working Paper 2011–65. Penang: WorldFish Center.
11. Béné C. (2006). *Small-scale fisheries: assessing their contribution to rural livelihoods in developing countries*. FAO Fisheries Circular, No. 1008. Rome: Food and Agriculture Organization (FAO).
12. Béné C., Macfadyen G., Allison E.H. (2007). *Increasing the contribution of small-scale fisheries to poverty alleviation and food security*. FAO Fisheries Technical Paper, No. 481. Rome: FAO.
13. Béné C., Barange M., Subasinghe R., Pinstруп-Andersen P., Merino G., Hemre G.-I., Williams M.J. (2015). *Feeding 9 billion by 2050 – putting fish back on the menu*. Food Security. February.
14. Beveridge M.C. M., Thilsted S.H., Phillips M.J., Metian M., Troell M., Hall S.J. (2013). *Meeting the food and nutrition needs of the poor: the role of fish and the opportunities and challenges emerging from the rise of aquaculture*. *Journal of Fish Biology*, 83, 10671084.
15. Eikeseta A.M., Mazzarellaa A.B., Davíðsdóttire B., Klinger D.H., Levin S.A., Rovenskaya E., Stenseth N.Chr. (2018) *What is blue growth? The semantics of «Sustainable Development» of marine environments*. *Marine Policy*, 87: 177–179.
16. FAO (2019). *The State of Food Security and Nutrition in the World. Safeguarding Against Economic Slowdowns and Downturns*. Rome.
17. FAO (2018). *The State of world fisheries and aquaculture. Achieving sustainable development goals*. Rome.
18. FAO (2017). *The State of Food Security and Nutrition in the World. Building resilience for peace and food security*. Rome.
19. FAO (2019). *Food security and nutrition policy dialogues in Europe, the Caucasus and Central Asia – a retrospective*. Rome.
20. *Fishery and Aquaculture Statistics (2019)*. FAO yearbook. URL: <http://www.fao.org/fishery/statistics/yearbook/en>
21. *Food security and nutrition policy dialogues in Europe, the Caucasus and Central Asia 2016–2019*. Rome. 140 p. URL: <http://www.fao.org/3/ca7110ru/CA7110RU.pdf>
22. ICTSD (2015). *National Agricultural Policies, Trade and the New Multilateral Agenda*. Information Note, December.
23. Interview with the His Excellency Dr. Riyad Haddad, Ambassador of the Syrian Arab Republic to the Russian Federation (2019). *Russia and Asia*. No 2(7). Pp.5–8.

24. Kawarazuka N., Béné C. (2011). The potential role of small fish species in improving micronutrient deficiencies in developing countries: building evidence. *Public Health Nutrition*, 14(11), 1927–1938.
25. Population of the world and countries 2020. URL: <https://countrymeters.info/en> -
26. Prein M., Ahmed M. (2000). Integration of aquaculture into smallholder farming systems for improved food security and household nutrition. *Food and Nutrition Bulletin*, 21(4), 466–471.
27. Roos N., Islam M.M., Thilsted S. H. (2003). Small indigenous fish species in Bangladesh: contribution to vitamin A, calcium and iron intakes. *Journal of Nutrition*, 133, 4021s–6s.
28. Roos N., Wahab M. A., Chamnan C., Thilsted S. H. (2007). The role of fish in food-based strategies to combat Vitamin A and mineral deficiencies in developing countries. *The Journal of Nutrition*, 137(4), 1106–1109.
29. Thilsted S. H. (2012). The potential of nutrient-rich small fish species in aquaculture to improve human nutrition and health. Rome: FAO and Bangkok: NACA.
30. The State of Food Security and Nutrition in the World (2019).
31. Sustainable fisheries and aquaculture for food security and nutrition (2014). A report by The High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition. June. URL: <https://ec.europa.eu/knowledge4policy/sites/know4pol/files/a-i3844e.pdf>
32. World Bank/FAO/WorldFish. (2012). Hidden harvest: The global contribution of capture fisheries. World Bank Report, No. 66469-GLB. Washington: World Bank.

THE NEED TO DEVELOP FISHERIES AND AQUACULTURE FOR FOOD SECURITY IN ASIA

Rodionova Irina Aleksandrovna,

*Russian Foundation for basic research,
115419 Shabolovka str., 34 p. 7, Moscow, Russia*

The author studies the structural disproportion of the food problem for the world and Asian countries, and its dynamics, as well as the fact that, in addition to malnutrition in the group of less developed countries, there is a shortage of trace elements and overeating in the more affluent. Increased use of fisheries products and the development of aquaculture can play a significant role in addressing food security. In this regard, the article presents the trends of the world fishing market in 2008–2017 and the trends of its development. This paper uses statistics on fisheries development and food consumption published by the Food and agriculture organization of the United Nations (FAO).

Key words: *Asia, fisheries, aquaculture, food security, hunger and malnutrition.*

JEL codes: *F1, F29.*

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Молочкова Мария Федоровна¹

В научном исследовании автором оцениваются возможности выхода компаний малого и среднего бизнеса России на мировой рынок. Особую роль в современных торгово-экономических отношениях с зарубежными странами играют санкционные ограничения, которые напрямую и косвенно влияют на взаимоотношения иностранных и российских бизнес-представителей. Целью работы является анализ перспектив развития малым бизнесом России интернациональных связей и выход на зарубежные рынки. Также в работе рассматривается текущее состояние малого и среднего бизнеса на территории Российской Федерации, программы его поддержки, отраслевая принадлежность компаний и прочие факторы. В качестве научной базы можно выделить как российские, так и иностранные источники, статистические базы данных и мнения и оценки экспертов.

Ключевые слова: интернационализация, малый бизнес, международная торговля, санкционные ограничения

JEL коды: B27, F18, F43, L81.

Введение

Интернационализация торговли выступает одной из основных этапов развития любой коммерческой структуры во все времена. Процесс интернационализации был сформирован еще в Средневековье, когда страны обменивались различными благами для насыщения внутреннего рынка. Со временем интернационализация существенно расширилась, а технологический прогресс позволил даже небольшим фирмам участвовать в процессе международной торговли и экспортировать товары и услуги в другие страны. Крупные же компании, впоследствии, реорганизовались в транснациональные корпорации, с развитыми не только торговыми, но и финансовыми и производственным межстрановыми сетями.

История развития внешней торговли в России также не обходится без упоминания о крупных международных торговых путях. В советское время, вплоть до 1991 г., все производственные и торговые структуры оставались в государственной собственности, поэтому все интернациональные сделки осуществлялись напрямую через правительственные структуры. После 1991 г. государственная собственность была частично или полностью приватизирована в ряде ключевых отраслей, что дало возможность частным предприятиям, в том числе малым и средним, выйти на зарубежный рынок.

Однако вновь сформированный рынок России находился в 1990-е гг. в кризисном состоянии, и поэтому произведенную продукцию подчас затруднительно было реализовать внутри страны. Многие компании начали вывозить ряд товаров на международный рынок, осуществляя торговую интернационализацию. Однако отсутствие опыта коммерческих

¹ Молочкова Мария Федоровна — соискатель кафедры национальной экономики экономического факультета РУДН (RUDN University), Москва, Россия.

отношений, слабо развитая отечественная нормативно-правовая база и сложности конкуренции с более опытными игроками мирового рынка не позволили в полной мере (количественно и качественно) реализовать эту политику. Многие предприятия, особенно малые и даже средние, прекратили свою деятельность.

Активное присутствие на международном рынке Россия начала преимущественно в XXI в. Обновленная законодательная база и государственная поддержка малого бизнеса в купе с ростом цифровизации способствовали укреплению международных связей и росту торгового оборота между Россией и другими странами, в том числе — за счет субъектов МСБ (Черняев, Кириченко, 2017; Черняев, Мухина, Мазурчук, 2017; Эксперты, 2019).

Результаты

С 2014 г. по отношению к России и российским компаниями западными странами применяется ряд экономических санкционных ограничений, имеющих не только политические, но и экономические акты (Меланьина, 2018).

Ухудшение экономических и торговых взаимоотношений с США и рядом европейских стран сократили национальный торговый оборот, а отказ ряда европейских и американских предприятий сотрудничать с российским бизнесом привел к реструктуризации или полному закрытию ряда компаний в т.ч. и малого бизнеса. Нестабильность экономической конъюнктуры усугубила и без того имеющиеся в России сложности развития малых компаний.

Однако ограничения в одной сфере способствовали и открытию новых возможностей в других сферах деятельности. Прежде чем рассмотреть перспективы выхода на международную арену субъектов малого и среднего бизнеса (МСБ), нами проведено исследование внутрироссийского рынка, на котором функционируют отечественные малые и средние предприятия.

Как видно из анализа представленных данных, динамика доли малого и среднего бизнеса в валовой добавленной стоимости (рис. 1) стабильно увеличивается с 2014 г., и, согласно плану развития предпринимательства России, данный показатель должен увеличиться до 40% к 2024 г. В этой связи ряд отечественных компаний продолжает осваивать международный рынок практически во всех отраслевых направлениях.

Так, по данным за лето 2019 г., на 1 тыс. человек трудоспособного населения в России приходится 27 предприятий малого и среднего бизнеса. Сравнивая данный показатель с иностранным, можно отметить, что в среднем по миру цифра находится на уровне 32 предприятий, а в ряде стран показатель приближается к отметке 100. Соответственно, Россия по этому показателю отстает от наиболее прогрессивных зарубежных стран.

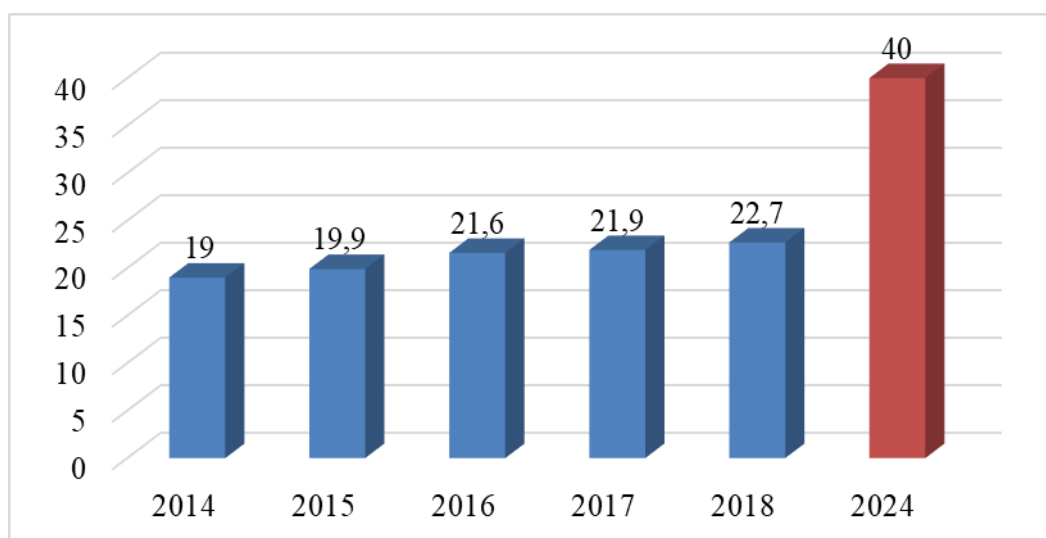

Рис. 1. Динамика доли малого и среднего бизнеса в валовой добавленной стоимости в 2014–2018 гг. с прогнозом до 2024 г. в России, в %.

Источник: составлено автором по (Путь на экспорт малого и среднего бизнеса, 2019).

Для сравнения подобных цифр необходимо, прежде всего, оценить факторы, замедляющие развитие малых компаний на территории Российской Федерации.

Одним из факторов, препятствующих развитию малого бизнеса, остаются санкционные ограничения, приведшие к экономической нестабильности и невозможности компаний функционировать в ряде международных систем, что привело к некоторому снижению количества МСП. Так, в 2014 г. вышеанализируемый показатель в Российской Федерации достигал отметки в 38 предприятий, а в 2015 г. он снизился до 34. По прогнозам, спад может достичь 25–28 предприятий на 1000 трудоспособных человек к 2024 г., при неизменности геополитических условий и медленном росте экономики России (Региональная платформа национального проекта по поддержке предпринимательской инициативы, 2019).

В то же время деловая активность в сегменте малого и среднего бизнеса увеличилась в 2018 г. — после 2-хлетнего спада — и стабилизировалась к концу 1-го квартала 2019 г., и, по оценкам, рост сохранится и в 2020 г. (рис. 2), если не произойдет каких-либо негативных форс-мажорных обстоятельств.

Однако количество и «качество» субъектов МСБ в Российской Федерации существенно дифференцируется по регионам. Наибольший прирост показателей малого и среднего предпринимательства (МСП) среди регионов, для которых имелись репрезентативные данные, наблюдался в 2018–2019 гг. в Камчатском крае (8%), в Тыве (7,1%) и Чувашской Республике (6,9%). Был отмечен наибольший рост предприятий, связанных с добывающим сектором промышленности; в сфере торговли и предоставления услуг физическому потребителю наблюдалось существенное замедление темпов роста.

Однако в 25 субъектах Российской Федерации наблюдалась обратная динамика сокращения малых и средних предприятий. Среди данных регионов можно отметить г. Москву и Московскую область, где в 2018 г. сокращение составило 3,3% относительно 2017 года.

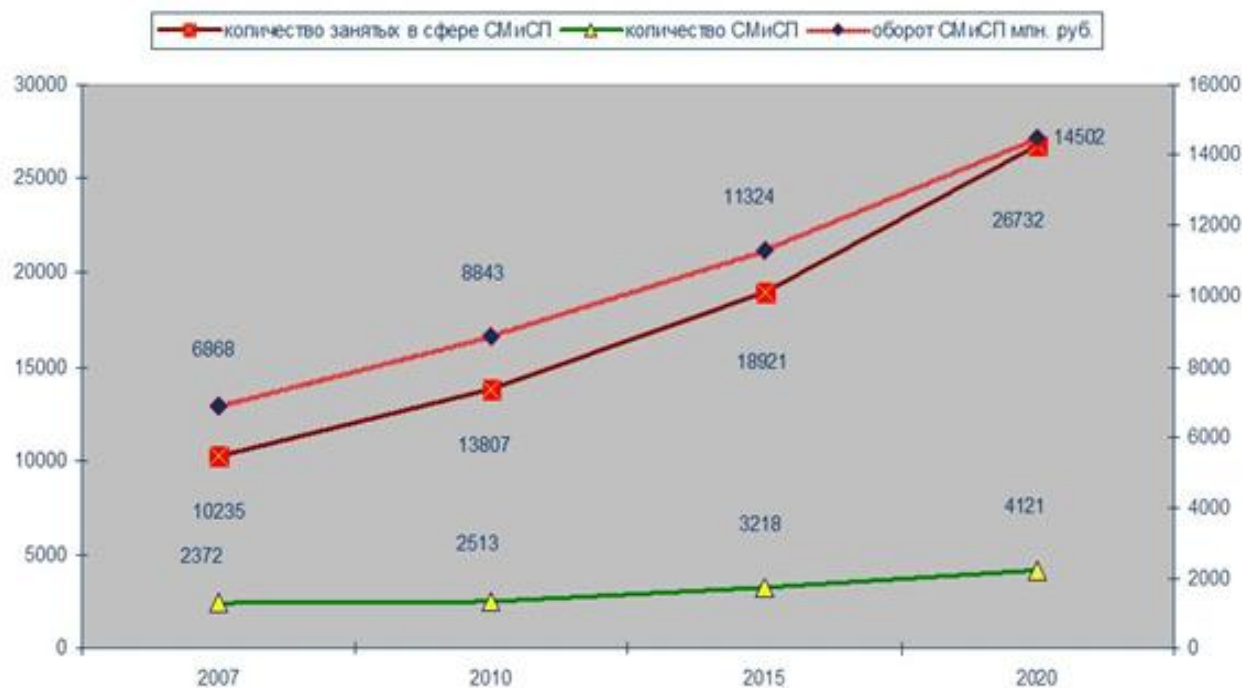

Рис. 2. Развитие МСП по регионам России, 2007–2020 гг.

Источник: составлено автором по (Минэкономразвития России, 2019).

Общее распространение предпринимательской активности в Российской Федерации остается ниже среднемирового, доля малых предприятий, ведущих в т. ч. и экспортную деятельность, сократилась за 2018 г. на 7,2% (Федеральная Таможенная Служба России, 2019).

Тем не менее, вклад в развитие субъектов Российской Федерации внесли не только новые игроки, но и миграция предприятий в другие регионы страны — с более привлекательными условиями для развития. Масштаб миграции малого бизнеса не велик, однако он оказал определенное влияние на итоговые показатели регионов за 2018 отчетный год (Как вывести малый бизнес..., 2019).

Согласно данным, представленным Министерством экономического развития Российской Федерации, по итогам 3-х кварталов 2019 г. наблюдался рост количества торговых сделок малых компаний России с иностранными контрагентами. За данный период центры поддержки экспорта оказали услуги малым и средним предприятиям более 11 тыс. раз. Если сравнивать данный показатель с 2018 г., то можно отметить, что количество одобренных обращений увеличилось практически в 2 раза (6378 обращений за 3 квартала 2018 г.). А 1728 предприятий малого и среднего бизнеса заключили экспортные контракты на сумму более 1,4 млрд долл. США. Данная цифра выглядит позитивным результатом.

По данным Минэкономразвития, в 2018 г. объем несырьевого экспорта достиг 235 млрд. долл., при этом вклад сектора МСП составил около 9%, или 21,3 млрд долл. США. Для увеличения числа компаний МСБ, продвигающих свою продукцию на зарубежные рынки, в регионах создаются центры поддержки экспорта (ЦПЭ). При обращении в центр поддержки экспорта предприниматели могут получить широкий спектр услуг, а результатом обращения станет заключение субъектами малого и среднего предпринимательства экспортных контрактов. В 2019 г. центры поддержки экспорта работали в 76 субъектах России. Для

сравнения: в 2018 г. в стране работало 67 таких центров (Федеральный портал малого и среднего предпринимательства РФ).

С 2019 г. АО «Российский экспортный центр» (РЭЦ) официально определен агентом правительства Российской Федерации по распределению субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации на создание и развитие центров поддержки экспорта (ЦПЭ), а также координации работы ЦПЭ. Кроме того, РЭЦ будет оценивать соблюдение центрами поддержки экспорта требований, устанавливаемых к ЦПЭ. Также среди полномочий РЭЦ — разработка методических рекомендаций по вопросам внешнеэкономической деятельности субъектов МСБ.

Общее число занятых в малом бизнесе в Российской Федерации увеличится с 19,2 млн чел. на начало 2019 г., и, по прогнозам, до 25 млн чел. в 2024 г. (см. рис. 2). Также прогнозируется и рост объемов торговли, в том числе и экспорта, в общем объеме сырьевой торговли — с 8,8% в 2018 г. до 10,1% в 2024 г.

Для успешного достижения прогнозных показателей рост активности субъектов МСБ должен достигаться не только их собственными усилиями, но и функционированием ряда государственных программ стимулирования и разработки общей политики поддержки малых компаний.

Для поддержки выхода малого бизнеса на иностранные рынки, в т. ч. и открытие представительств на территории других стран, был разработан национальный проект, включающий 5 федеральных Программ.

Первой программой можно отметить «Акселерацию субъектов малого и среднего бизнеса». Бюджетное финансирование, выделенное на реализацию данной программы, составляет 478,1 млрд. руб. Основная часть средств выделяется на региональном уровне для модернизации механизмов поддержки малого и среднего предпринимательства. Отдельной статьей обозначается именно экспортная поддержка в размере 14,3 млрд. руб. (Минэкономразвития России, 2019).

В рамках реализации программы региональные центры осуществляют проведение анализа и маркетинговых исследований, информационную, разведывательную и оценочную деятельности за рубежом, помощь малым и средним компаниям в организации и проведении переговоров с иностранными партнерами, в т. ч. поддержку стандартизации, сертификации продукции, идущей на экспорт, финансирование ярмарочных и выставочных мероприятий, бизнес-миссии и общую информационно-консультационную поддержку.

Данные Программы также привлекают и научные центры для повышения квалификации предпринимателей и проведение семинаров и тренингов по организации внешнеэкономической деятельности. Так, примером выступает школа экспорта Российского экспоцентра, в которой разработали образовательную программу экспортных возможностей предпринимателей малого бизнеса России (Программы обучения, 2019).

Заключение

В заключении можно отметить, что многие малые предприятия России сами не готовы выйти на международный рынок, даже при наличии такой возможности. Данная неуверенность подкрепляется тем, что в любой момент зарубежные партнеры могут ввести ряд новых санкционных ограничений, которые негативно повлияют на международную деятельность компании и ее общее положение. Тем не менее, существует ряд возможностей

менее рискованного выхода на глобальный рынок, относящийся к использованию цифровых технологий и построению бизнес-модели на основе цифровой коммерции. Достоинство электронных продаж заключается в универсификации рынков сбыта, что, в конечном счете, могло бы положительно сказаться на доходах компании, в том числе и малого предприятия. Программы поддержки и развития учитывают цифровой вариант дистрибуции товаров и услуг, однако суммарно процент финансирования подобных Программ в рамках единой стратегии поддержки малого и среднего бизнеса не превышает 8%. Пересмотр структуры финансирования проектов МСП в пользу цифровой коммерции способствовал бы укреплению позиций российских компаний на быстрорастущем и перспективном зарубежном рынке.

Список литературы

1. Как вывести малый бизнес на зарубежные рынки (2019). [How to bring small businesses to foreign markets (2019). (In Russian)]. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/11/20/exportmsp/>
2. Меланьина М. В. (2018). Влияние санкционных ограничений на динамику внешней торговли России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 11 (117). С. 4. [Melanyina M.V. (2018). Influence of sanctions restrictions on the dynamics of foreign trade in Russia. Management of economic systems: electronic scientific journal. No. 11 (117). P. 4. (In Russian)].
3. Минэкономразвития России (2019) [Ministry Of Economic Development Of Russia (2019) (In Russian)]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/main>
4. Программы обучения для малого бизнеса (2019) [Training programs for small businesses (2019) (In Russian)]. URL: <https://corpmsp.ru/>
5. Путь на экспорт малого и среднего бизнеса (2019) [The way to export small and medium-sized businesses (2019). (In Russian)]. URL: <https://iz.ru/952392/khariton-galitckii/malyi-i-srednii-biznes-put-na-eksport>
6. Региональная платформа национального проекта по поддержке предпринимательской инициативы (2019) [Regional platform of the national project for supporting business initiatives (2019). (In Russian)]. URL: <https://rp.moibiz.biz/auth/>
7. Федеральная Таможенная Служба России (2019) [Federal Customs Service Of Russia (2019). (In Russian)]. URL: <http://customs.ru/>
8. Федеральный портал малого и среднего предпринимательства РФ (2019) [Federal portal of small and medium enterprises of the Russian Federation (2019). (In Russian)]. URL: <http://smb.gov.ru/>
9. Черняев М. В., Кириченко О. С. (2017). Анализ факторов устойчивого развития предприятий топливно-энергетического комплекса и условий достижения энергоэффективности и энергобезопасности // Экономика и предпринимательство. № 8-1 (85). С. 929–943. [Chernyaev M.V., Kirichenko O.S. (2017). Analysis of factors of sustainable development of fuel and energy complex enterprises and conditions for achieving energy efficiency and energy security. Economics and entrepreneurship. No. 8-1 (85). Pp. 929–943. (In Russian)].
10. Черняев М. В., Мухина В. С., Мазурчук Т. М. (2017). Локализация иностранного бизнеса на территории Российской Федерации в условиях санкционных ограничений и политической нестабильности с 2014 года // Современная наука: актуальные проблемы

теории и практики. Серия: Экономика и право. № 7. С. 35–41. [Chernyaev M.V., Mukhina V.S., Mazurchuk T.M. (2017). Localization of foreign business on the territory of the Russian Federation in the conditions of sanctions restrictions and political instability since 2014 // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and law. No. 7. Pp. 35–41. (In Russian)].

11. Эксперты: для поддержки малых экспортеров надо ослабить контроль и отказаться от НДС (2019). [Experts: to support small exporters, it is necessary to relax control and abandon VAT (2019). (In Russian)]. URL: <https://tass.ru/msp/7015755>

OPPORTUNITIES FOR THE INTERNATIONALIZATION OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF SANCTIONS RESTRICTIONS

Molochkova Maria Fedorovna,

*People's Friendship University of Russia (RUDN University)
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6*

The scientific study assesses the possibilities for Russian small and medium businesses to enter the global market. A special role in modern trade and economic relations is played by sanctions restrictions that directly and indirectly affect the relations between foreign and Russian business representatives.

The purpose of the work is to analyze the prospects for the development of international relations by small business in Russia and access to foreign consumers.

The study also examines the current state of small and medium-sized businesses in the Russian Federation, support programs, industry affiliation of companies and other factors. The scientific base can be distinguished both Russian and foreign sources, statistical databases and expert opinions and assessments.

Keywords: *internationalization, small business, international trade, sanctions restrictions.*

JEL codes: *B27, F18, F43, L81.*

**ЭКОНОМИКА: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ /
ECONOMICS: THEORY AND HISTORY**

**ГЕНЕЗИС ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОЦЕССОВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

*Стрыгин Андрей Вадимович*¹

В публикации представлен краткий обзор генезиса возникновения и трансформации фундаментального понятия геополитики, включая особенности трех этапов (классической, новой и новейшей) развития геополитической теории и обоснованием дальнейшего направления ее развития. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что ключевой термин неизменно получит свое дальнейшее «отношенческое» развитие с формированием самостоятельного научного направления, именуемого геобихавеористикой.

Ключевые слова: геополитика, геоэкономика, геофилософия, геобихавиористика, геостратегия.

JEL коды: F01, F42.

Введение

Термин и понятие «геополитика» вошли в мировой обиход на рубеже XIX и XX вв. Немногим позже родившийся в начале XX в. А.Экзюпери написал, что «язык — это источник недоразумений», что лучше всего может быть проиллюстрировано историей эволюции и трансформации этого, ставшего особо модного в XXI в., слова.

Чтобы разобраться в парадигме геополитики, отметим общепризнанный сегодня постулат, что геополитика, в отличие от международных отношений, основана на взаимоотношении географии и власти; в то время, как сами международные отношения представляют собой лишь возможные формы поведения стран в отношении друг к другу.

И если зарождение понятия международных отношений относится к началу XIX в. и связано с именем Д.Бентама (конкретно в 1817 г.), то появление термина «геополитика» в самом конце того же века XIX в. соотносится с именем Р.Челлена. Этот ученый под влиянием работ Ф.Ратцеля уже в 1897 г. ввел в обиход категорию геополитика (первоначально как аббревиатура ратцелевского *Politische Geographie*). А в 1916 и 1918 гг. раскрыл ее содержание в своих книгах «Государство как форма жизни» (Kjellen, 1916) и «Государство как организм» (Kjellen, 1918).

И здесь самое место вспомнить, что именно Ф.Ратцель ввел в научный обиход концепцию «государственного организма». Согласно Ратцелю, «государственный организм»,

¹ *Стрыгин Андрей Вадимович* — доктор экономических наук, профессор, Московский государственный автомобильно-дорожный технический университет (МАДИ), г. Москва, Ленинградский проспект, 64, Москва, Россия, 125319.

развиваясь на основе «политической географии», стремится к территориальным расширениям (Ratzel, 1897). На этом подходе впоследствии базировалось все развитие немецкой школы геополитики с ее идеей «германской сверхдержавы», а первые последователи Ратцеля, как утверждают исследователи (Колосов, Мироненко, 2001), основной упор делали именно на политическую географию.

Материалы и методы

Два других основоположника немецкой классической школы геополитики — К. Шмитт (Schmitt, 1942) и К.Хаусхофер (Haushofer, 1928) — сосредоточились на разработке теории «номоса земли», т. е. некоей Суши, противопоставляемой некоему Морю. Отсюда и переход от концепции «Евразийства» к концепции «Атлантизма», т. е. к постоянному противостоянию от античного «сухопутного» Рима и «морского» Карфагена до межвоенных Европы и Америки XX в. Это если коротко.

Наиболее существенный вклад в развитие постулатов «Атлантизма» и «Евразийства» внесли представители англо-американской геополитических школ.

Классик британской геополитики Х.Маккиндер в своих фундаментальных работах, — от труда «Географическая ось истории» (Mackinder, 1904) и до публикации своей последней книги «Земной шар и достижения мира» (Mackinder, 1943) — целенаправленно проводил идею доминанты так называемого «Хартлэнда» — огромного сухопутного пространства, — и той истины, что кто контролирует его, тот и контролирует весь мир. А значит концепции первенствования «Евразийства» (поскольку с географической точки зрения именно Евразия и есть та доминанта Суши) должна быть противопоставлена концепция примата «Воды», как сдерживающая мощь концепции «Атлантизма».

В этой связи Н.Спайкмен, который, опираясь на труды А.Мэхена (Mahan, 1890), пропагандирующие специфику «морской силы», заложил основы американской школы геополитики. Эта школа противопоставляет доминанте сухопутного «Хартлэнда» огибающую ее морскую дугу «Римлэнда». Главные труды Н.Спайкмена и, в частности, «Американская стратегия в мировой политике» (Spykman, 1942) и «География мира» (Spykman, 1944), посвящены обоснованию его концепции о том, что ключевую «сухопутную» территория в мире охватывает «водная дуга», активный контроль над которой гарантирует владеющему ею неоспоримое превосходство. И реальным воплощением отмеченного подхода на практике стала «стратегия анаконды» Т.Рузвельта.

А теперь несколько слов об отечественных представлениях теории геополитики, для чего стоит процитировать два энциклопедических, а значит «возведенных в «абсолют» и «непоколебимых», определения.

«Геополитика — это буржуазная реакционная концепция, использующая извращенно истолкованные данные физической и экономической географии для обоснования и пропаганды агрессивной политики империалистических государств». Так написано в 3-м издании Большой советской энциклопедии (БСЭ), и конкретно в томе, вышедшем в 1973 г. (Геополитика, БСЭ). А вот что по этому поводу сказано в Большой российской энциклопедии: «Геополитика — это направление политической науки, изучающее теоретические и практические проблемы мировой политики, закономерности и основные тенденции развития и функционирования международной жизни» (Геополитика, БРЭ).

Прошло всего лишь 35 лет, но какая разница!

Ну как тут не вспомнить упоминавшийся афоризм А.Экзюпери, что «язык — это источник недоразумений». Это не по поводу слова «разница» имеющего совершенно разный смысл в одном коротком предложении.

Раз уж вспомнили великого французского мыслителя и писателя XX в., то стоит бросить взгляд на французскую школу геополитики, развивавшуюся на трудах П. де ла Блаша, критиковавшего В.Ритцеля за его «прагматический» подход к политической географии (заметим, что первоначально, еще в конце XIX в., и во многом благодаря Ю. Р. Челлену и Х. Маккиндеру, геополитика ассоциировалась с политической географией). Ведь именно Ю. Р. Челлен впервые использовал такое словосочетание в 1899 г. — с позиций примата государства, политики и «жизненного пространства». В частности, Челлен так определил предмет геополитики: «Это наука о государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве» (Kjellen, 1916).

Для гуманистических традиций французских мыслителей, восходящих к энциклопедистам XVIII в., главенствующее положение всегда занимал конкретный человек, а не детерминант государства. А отсюда следует, что именно он (человек), постигая окружающий его мир, создает и развивает «идеальное пространство».

Правда, организация этого «идеального пространства» невозможна без принуждения, проявляющегося с позиций силы (военная доминанта), религии (идеологическая доминанта) или экономики (материальная доминанта), что привело к трансформации термина «геополитика» к понятию «геоэкономика». И соотносится это, в первую очередь, с приверженностью Ж.Аттали к концепции мондиализма, из которого произрастают корни пресловутой глобализации (Attali, 1991).

Но прежде чем перевернуть страницу геополитики и открыть страницу геоэкономики, надо отметить, что формирование немецкой, английской, американской и отчасти французской школ геополитики условно можно объединить в так называемый классический (первый) период ее развития, охватывающий временные рамки от зарождения самого понятия и до середины XX в.

Условно выделяемый второй (геоэкономический) период охватывает 2-ю половину XX в. И, наконец, 3-й (новейший) период формируется с приходом нового тысячелетия, XXI в., и его доминантой становится уже геофилософия (Каччари, 2014).

Если геополитика базировалась на силовой (военно-политической) мощи, то с ее трансформацией в геоэкономику, ведущее место отводится экономической мощи. В свою очередь стержнеобразующим содержанием геофилософии становится преобладание силы (мощи) духа над военной и экономической мощью.

Как тут не отвлечься в очередной раз и не процитировать А.Экзюпери, провозглашавшим, что «лишь Дух, коснувшись глины, делает из нее Человека».

Но обо всем по порядку.

И начнем с геоэкономики, которая зародилась в Америке после завершения Второй мировой войны на основе «доктрины сдерживания» и определяется как «новая геополитика», направленная на достижение внешнеполитических целей мирового или регионального первенства экономическим путем. Что естественно должно было привести к исследованию путей достижения этих целей, то есть стратегии их достижения, получившей в области геополитических исследований название геостратегии (Карякин, 2013).

Оба термина связаны с именем Э.Лютвака, впервые введшего в научный оборот понятие «геоэкономика» в 1972 г. в американском издании энциклопедии политэкономии, и

детально обобщившего его особенности в серии фундаментальных трудов по стратегиям разных стран, народов и цивилизаций, а также в небезызвестных книгах «Турбокапитализм. Победители и лузеры в глобальном мире» (Luttwak, 1998) и «Стратегии: логика войны и мира» (Luttwak, 2002).

Однако в XXI в. философия глобализма оказалась весьма уязвимой, поскольку ориентирована была на некие усредненные «миростандарты», хотя вырастала она на базе «миросистемных» критериев развития И.Валлерстайна (тут стоит отметить его труды «Современный мир — система» (Wallerstein, 1980) и «Мир — системный анализ. Теория и методология», (Wallerstein, et al., 1982). Валлерстайн же, в свою очередь, творчески использовал потенциал теории циклического развития мировой экономики Н.Кондратьева и геостратегического многообразия целеустановок в определенной географической среде. Другим существенным просчетом глобалистов стала ставка на геоэкономический контроль ресурсного потенциала, как доминанты достижения геополитических целей (Стрыгин, 2015).

При этом очевидность ограниченности и обреченности подобного подхода сразу бросается в глаза, хотя бы из сути самой геостратегии, предполагающей инвариантность значения экономического, военного, демографического, национально-культурного и ряда других потенциалов.

Совокупный учет их, а также предметно-историческая ограниченность примитивной глобализации предопределила появление «новейшей геополитики», получившей название в XXI в. — геофилософия.

Термин этот соотносится с именами Ж. Делёза и Ф.Гваттори, опубликовавших еще в 1991 г. труд «Что такое философия?» (2009). А сама геофилософия представляется наукой о междисциплинарных отношениях трансформации мирового имманентного пространства, основанного на представлении о множественности миров многомерного коммуникационного пространства (Каччари, 2014).

Иными словами, все неожиданным образом свелось к историзму миропознания по Ф.Броделю с его определением цивилизации как географического и культурного пространства, а также как общественной формации, совокупности экономических укладов. И все это в определенном географическом пространстве, о чем он писал еще в своей «Грамматике цивилизаций».

Результаты и обсуждение

Так, самым неожиданным образом, геополитическое противостояние, начавшееся в XX в. на идеологических разногласиях примата общественно-формационного или цивилизационного постижения истории и современности, благодаря трансформации парадигмы «геополитика-геоэкономика-геофилософия» в XXI в. имеет реальную перспективу перерастания в геополитическое сотрудничество. И ведущее место в познании закономерностей и перспектив данного процесса должно принадлежать новому, четвертому этапу развития геополитики от традиционной к новой и новейшей. Пока же назовем ее геобихавеористикой, подразумевая, что в современном мире простое военно-политическое, научно-техническое, экономическое и иное лидерство уже не обеспечивают глобального или регионального первенства, достижение которого упрощается через геополитическое доминирование на уровне развития межличностных, межгосударственных и глобальных международных отношений.

Выводы

Осуществленный в работе краткий ретроспективный лингво-семантический характер трансформации понятий политической географии в геополитику, и последней на протяжении всего XX столетия последовательно в геоэкономику с сопутствующим терминологическим раскрытием специфики ее проявления, и далее в геофилософию, неизбежно приводит к заключению, что в самом ближайшем будущем, когда приоритетное значение получает развитие глобальных и региональных отношений, ключевой термин неизменно получит свое дальнейшее «отношенческое» развитие с формированием самостоятельного научного направления, именуемого геобихавеористикой.

Список литературы

1. Ratzel F. (1897). Politische Geographie. R. Oldenbourg, München und Leipzig.
2. Kjellen R. (1916). Staten som lifsform. Stockholm.
3. Kjellen R. (1918). Der Staat als Organismus. Hirzel, Leipzig.
4. Колосов В. А., Мироненко Н. С. (2001). Геополитика и политическая география. Москва: АСТ. [Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitika I politicheskaia geografia. Moscow: AST (In Russian)].
5. Schmitt C. (1997 [1942]). Land and Sea. Plutarch Press: Washington, DC.
6. Haushofer K. (1928). Bausteine zur Geopolitik. Berlin-Grünwald.
7. Mackinder H.J. (1904). The Geographical Pivot of History. The Geographical Journal. № 23, pp.421–437.
8. Mackinder H.J. (1943). The round world and the winning of the peace. Foreign Affairs, 21: 595–605.
9. Mahan A.T. (1890). The influence of sea power upon history of 1660–1783. Boston: Little, Brown, and Company.
10. Spykman N.J. (1944). The Geography of the Peace. New York, Harcourt, Brace and Company.
11. Spykman N.J. (1942). America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York, Harcourt, Brace and Company.
12. Геополитика. БСЭ. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Геополитика>.
13. Геополитика. БРЭ. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2352503
14. Attali Zh. (1991). Millennium: winners and losers in the coming world order. New York: Random House.
15. Каччари М. (2014). Геофилософия Европы. Пер. с ит. СПб. Издательство «Пневма». [Kachari M. (2014). Geofilosofia Evropy. Transl. Russian. SPb.: PNEVMA. (In Russian)].
16. Карякин В. В. (2013). Геополитика третьей волны. Москва [Kariakin V.V. (2013). Geopolitika tretiey volny. Moscow: Granica. (In Russian)].
17. Luttwak E. (1998). Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. London, Weidenfeld & Nicolson.
18. Luttwak E. (2002). Strategy: The Logic of War and Peace, Revised and Enlarged Edition. Cambridge, Massachusetts.

19. Wallerstein I. (1980). *The Modern World-System*, vol. II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. New York: Academic Press.
20. Wallerstein I., Hopkins T.K. et al. (1984). *World-Systems Analysis: Theory and Methodology*. Beverly Hills: Sag.
21. Стрыгин А. В. (2015). Неизменная актуальность связи геополитики и геоэкономики / Николай Мироненко. Страницы жизни. Научные идеи и работы. Москва: Издательство Московского университета. [Strygin A.V. (2015). The constant relevance of the connection between geopolitical and geoeconomics / In: Nikolai Mironenko. Pages of life. Scientific ideas and works. Moscow: Publishing house of the Moscow university. (In Russian)].
22. Делёз Ж., Гваттари Ф. (2009). Что такое философия? Москва: Академический Проект [Delez J., Guattari F. (2009). What is philosophy? Moscow: Academic Project (In Russian)].
23. Braudel F. (1987). *Grammaire des civilisations*. Paris: Arthaud-Flammarion.

GENESIS OF GEOPOLITICAL AWARENESS OF THE SOCIO-POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE MODERN WORLD

Andrey Vladimirovich Strygin

*Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI),
125319, Leningradsky Prospekt 64, Moscow, Russia.*

The publication provides a brief overview of the Genesis of the emergence and transformation of the fundamental concept of geopolitics, including the features of the three stages (classical, new and modern) of the development of the geopolitical theory and the rationale for its further development. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the key term will invariably receive its further "relational" development with the formation of an independent scientific direction called geobehavioristics.

Keywords: *geopolitics, geo-economics, geo-philosophy, geo-behaviors, geo-strategy.*

JEL codes: *F01, F42*